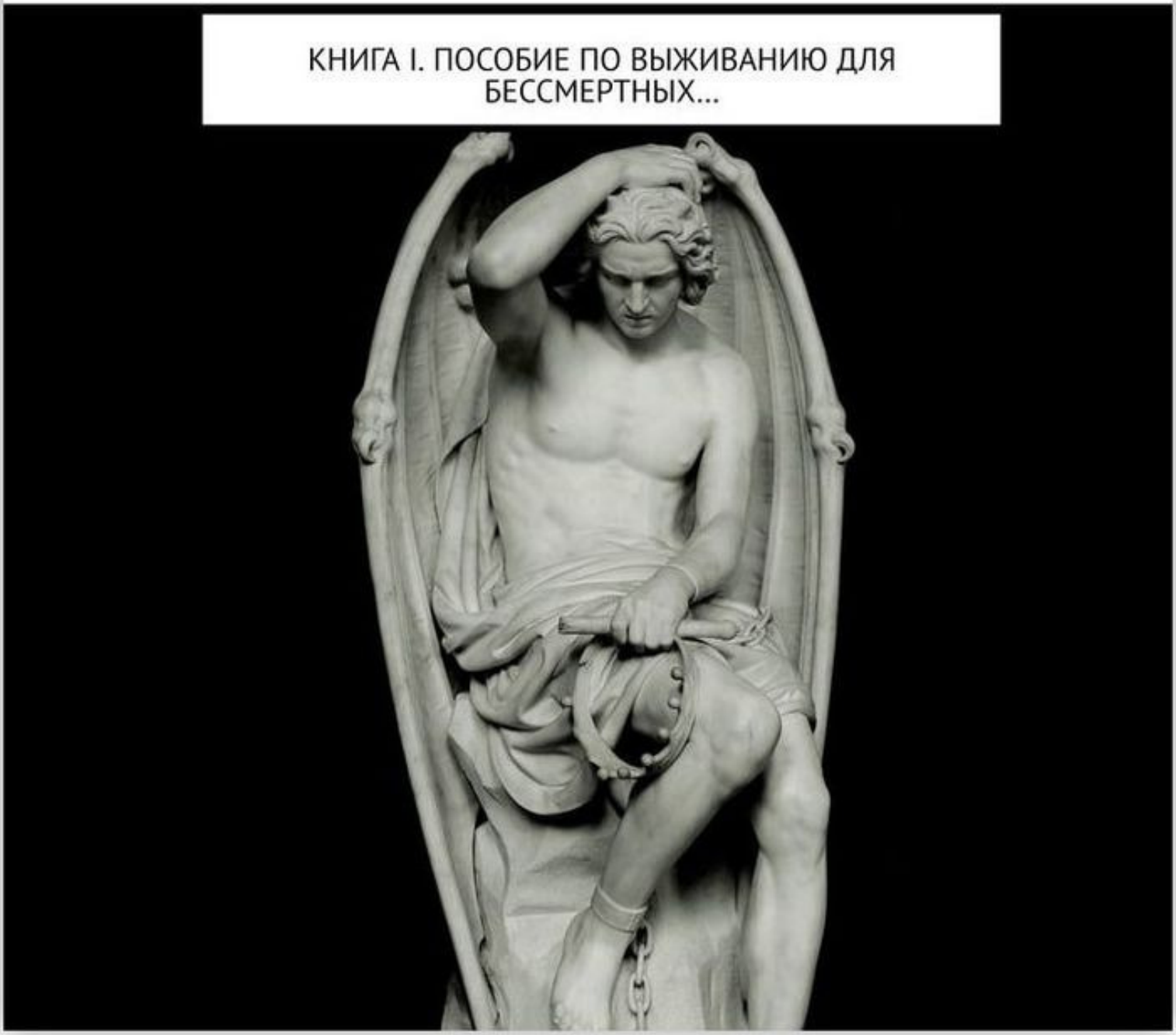
18+

ВАЛЕРИЙ РАШ

ОДИНЖ

КНИГА I. ПОСОБИЕ ПО ВЫЖИВАНИЮ ДЛЯ БЕССМЕРТНЫХ...



Валерий Раш

ОДИНЖ. Книга I. Пособие по выживанию для Бессмертных…

«Издательские решения»

Раш В.

ОДИНЖ. Книга I. Пособие по выживанию для Бессмертных… / В. Раш — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501978-3

Что если завтра вам пообещают бессмертие? Но взамен отберут все, ради чего можно жить. Откажетесь? Вот и главный герой, рад бы отказаться, но его спросить как раз забыли. Он не обрел вечную жизнь — ему просто не дают умереть… и не дают жить. Так стоит ли оно того? Каждый год — как срок. Каждый день он спасает чью-то жизнь и ищет способ умереть. Пока не встречает ту, ради которой он должен будет жить. Каждый день, каждую секунду, ибо даже бессмертия мало, чтобы вырвать ее из лап смерти…

ISBN 978-5-00-501978-3

© Раш В.
© Издательские решения

Содержание

Книга I. Пособие по выживанию для бессмертных 6
Пролог. Часть 1 7
Глава 1. Один день из не жизни, не человека… «Чужой выбор» 8
Глава 2.1. Один день из не жизни, не человека… «Погоня за хвостом» 21
Глава 2.2. Один день из не жизни, не человека… «Равноценный обмен» 34
Глава 2.3. Один день из не жизни, не человека… «Черная вдова» 47
Конец ознакомительного фрагмента. 54

ОДИНЖ
Книга I. Пособие по выживанию для Бессмертных…

Валерий Раш

© Валерий Раш, 2019

ISBN 978-5-0050-1978-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга I. Пособие по выживанию для бессмертных

Пролог. Часть 1

Десять шагов… Десять шагов в кромешной тьме, под опаляющими лучами солнца. В звенящей тишине среди сутолоки просыпающихся улиц, криков людей и визга машин. Говорят, трудно делать два дела одновременно, еще сложнее три и более… Нет. Гораздо сложнее не делать ничего. Не думать, что делаешь и совершать очередной шаг. Не думать, как деревенеющие пальцы скребут по дверной ручке, пытаясь понять, что с ней делать. Не думать, как дверь скрипит несмазанными петлями, а кожу лица приятно холодит сквозняк. Не думать, что сквозняк пахнет книжной пылью. Вообще не думать, пока Он в моей голове. Пока холодные мерзкие пальцы цепляются лапками за мозг, словно клещ, что вместо крови высасывает душу. Не думать, пока непонятный звук не ворвётся в глухие уши: захлопнулась дверь, а может мое мертвое тело упало на каменные ступени и это стук головы о пол. Не думать. Только ждать, пока хватка клеща не ослабнет и, едва острые коготки с неохотой отпустят мозг, сделать судорожный вдох… Или умереть.

Только так, раз за разом умирая перед этой дверью, можно отключать мозг, не давая анализировать окружающее. Когда страдающее от недостатка кислорода тело, судорожно бросается легкими на ребра, выгрызая остатки воздуха. Когда не может думать больше ни о чем, кроме очередного вдоха. Только так я могу обмануть Его. Только умирая раз за разом на этих холодных ступенях. Чтобы, воскреснув, понять, – весь путь сюда я и так шел мертвым. Ибо только здесь впервые почувствовать, что живу…

И каждый раз, едва черные пятна перестают плясать перед глазами, а тьма обретает объем и содержание, обрастая столами и книжными полками, теряющимися в полумраке… Едва за стойкой мелькнет знакомый силуэт, а грудной с легкой хрипотцой голос отзовется в голове сладкой истомой, я снова пойму, что перестал дышать не на подходе к этим дверям… а когда покидал их в последний раз… И каждый раз становился «последним», – я зарекался возвращаться. Подобно киту, что может надолго задерживать воздух, ныряя в морскую пучину, я держался долго, как мог. Но, рано или поздно, приходится всплывать.

Ощутив при первой встрече, каково это – ДЫШАТЬ! Не просто гонять легкими воздух, а чувствовать, как вдох наполняет тело самой сутью жизни, самим смыслом. Только ради того, чтобы это никчемное тело могло видеть, слышать, чувствовать ее… Ощутив это, моя жизнь окончательно разделилась на дни, недели, месяцы, когда я пытался выжить… и мгновения… когда жил.

Если бы верил в Бога, то сказал, – она явилась для меня откровением. Если бы верил в судьбу, то кричал, – это мой рок, но… Я не верил. И не потому, что не хотел. Просто не мог. Никому не дано верить, если знаешь…

Глава 1. Один день из не жизни, не человека… «Чужой выбор»

Ледяные порывы пронизывали до костей. Толкнув в спину, поток взбесившегося воздуха рассерженно взвыл и закружил по крыше, выбирая новую позицию для атаки. Всего пару секунд, как я, отдуваясь, вылез на крышу, а от былого тепла и след простыл. Дыхание клубами пара рвалось через стучащие зубы. Легкие усиленно гоняли промозглый воздух, пытаясь унять голод после бешеного спринта. Легко сказать – взлететь по пожарной лестнице на восемнадцатый этаж. Если бы не ранний час, наверняка бы кто-нибудь заметил, как субтильный юноша в черном плаще, с выпученными от напряжения глазами, упорно преодолевает этаж за этажом. Наверняка… Но не в половине восьмого утра… И не первого января, когда большая часть народа едва доползла до вожделенной подушки

А вот какого черта лично мне понадобилось на этой крыше, могу гадать до бесконечности. Правда, можно попытаться спросить у него напрямую, но этот гад всегда давал информацию в самый последний момент и в очень сжатом виде.

Зябко переступаю в кроссовках по промерзлой крыше, щурюсь на бледное зимнее солнце, тщетно отыскивая безветренную позицию. Накинутая на голое тело потертая футболка под плащом приятно контрастировала с летними джинсами, вот только тепла не давала совершенно. Похоже, его просто забавляет гонять меня на место в последнюю минуту и наблюдать, как суматошно разбираюсь в свалившейся на голову проблеме.

Рука тянется в карман за сигаретами, замирает на полпути, к завыванию ветра прибавляется резкий скрип зубов, – я не курю. Причем не просто, а вообще никогда не пробовал. Откуда у тела подобный рефлекс знает опять же только наставник. Как, впрочем, и всю мою настоящую биографию. У нормальных людей как? Родился, учился, взрослел, работал, состарился, помер, – классика. У меня… Хм… Очнулся, вляпался, искупляю. А вот что и почему, – одни догадки. Пытался у него узнать хоть что-то, – бесполезно. Кстати, а ему бы уже пора появиться. Беспокойно озираюсь в поисках оного, но голая крыша исключает возможность укрыться, даже не смотря на его скромные размеры.

– А-аа-пч-хи!! – От неожиданности подпрыгиваю, волчком разворачиваясь на месте. Усилием воли сдерживаю готовое сорваться ругательство. Не время и не место вступать в перепалку, важнее выпытать, зачем я здесь. Точнее, – ради кого

Ну, вот!.. Чего и следовало ожидать, – наставник собственной персоной. Явился из ниоткуда прямо за спиной. Там, где ни лестницы, ни люка на крышу и в проекте не было. И откуда у него такая любовь к дешевым театральным эффектам? Впрочем, как и у всей их чертовой братии.

– Легок на помине… – Бурчу, разглядывая возникшее создание.

Взгляд напряженно следит за передвижениями горбатой фигуры в черном сюртуке, дорогие лакированные туфли идеально начищены, серебряные пряжки бросают колкие злые зайчики в лицо. Карлик деловито обошел вентиляционную шахту, придержал пухлой ручкой слетающий колпак, на широком лице проступило задумчивое выражение, стрельнув лукавыми глазками, он резко повернул, обходя ветровой участок по широкой дуге.

Вздохнув, нехотя бреду навстречу. Ветер срывает легкий плащ, раздувая его на спине парусом, еще сильнее кутаюсь, стараясь сохранить остатки тепла, грею дыханием озябшие ладони. До карлика оставалось пройти с десяток шагов, когда завернув за очередную трубу, он словно испарился. Прошел несколько шагов на автомате, прежде чем понял, – ждать его с другой стороны бесполезно. К слову сказать, труба была стройнее наставника минимум раза в два, и игры в прятки не рассматривались.

Очередной громогласный чих прокатился над крышей. На этот раз я лишь вздрогнул, втянув голову в плечи от неожиданности, на языке вертелось ругательство, – карлик стоял аккурат на том месте, где я был минуту назад.

Наставник тем временем, достал откуда-то грязный носовой платок. Придирчиво повертел его со всех сторон, поцокал, и, досадливо покачав головой, с сокрушенным видом убрал в нагрудный карман темного сюртука. Обыск других карманов результата не дал. Только в брюках отыскалась замшелая ириска и немедленно отправилась в рот. Квадратная выпирающая челюсть с козлиной бородкой мерно задвигалась, а Исра неопределенно пожал плечами и шумно высморкался, закрывая по очереди пальцами каждую ноздрю. Критически осмотрел правую руку, подергал, пытаясь смахнуть нечто, даже сделал движение вытереть ладонь о полу сюртука и тут, будто невзначай, заметил меня.

– Андри-ии-и! – И без того круглое лицо карлика, стало еще шире, кривая улыбка буквально рассекла его надвое. – Сколько лет, сколько зим… Какая неожиданная встреча! Здравствуй, здравствуй!

– Ну, здрав будь… Исра. – Сплевываю, кутаясь в холодный плащ, шмыгаю опухшим носом, не зная, куда деть руки, засунул в подмышки, – хоть какое-то тепло, пританцовываю на месте, всем своим видом давая понять, что и с места не сдвинусь.

Карлик хмыкнул, пожал широченными плечами, на лице расползлась коварная ухмылка. Раскинув руки он, как балерина, просеменил на носочках в мою сторону. Сделав импровизированный комический прыжок в конце, с самым невинным видом протянул мне правую руку тыльной стороной вверх. Выждав пару секунд, помахал ручкой, максимально приближая кисть к моему лицу, желтые зрачки требовательно смотрят снизу вверх, мрачным золотом мерцая на дне темных провалов, кривой нос нетерпеливо сопит на уровне моей груди.

Стою и молча жду продолжения, перебивать кривляния чревато, уж лучше дотерпеть балаган до логического конца. Карлик разочарованно посмотрел на правую руку, повернул ее и так, и эдак, а затем подал уже ладонью вверх. Стою молча, только зубы стучат. Пожав плечами, мол, не хочешь, не надо, Исра поплевал на ладонь и вытер о себя… Хмыкнул, осмотрев мой скромный наряд, перевел взгляд на выбивающие кастанеду зубы, заложил руки за спину и лукаво подмигнул

– Я так полагаю, – дрожишь от нетерпения поскорее обнять старого друга. – Наконец сказал он, раскачиваясь с пятки на носок.

– Разве что за горло, – любезно киваю, с самой добродушной улыбкой.

– Но-но… – Погрозил кривым пальцем наставник. – Интим не предлагать. Я, канешна, понимаю, мы давно знакомы и как приличный мужчина я обязан предложить тебе съездить в сауну, но, увы, – ты не в моем вкусе.

– Даже и не знаю, как переживу такое! – Всплеснув руками, осматриваю крышу поверх головы карлика, наверняка это произойдет с минуты на минуту, так какого же он тянет…

– Будешь писать предсмертную записку, – вали все на меня. Так и запиши – от нерасчлененной любви и т. д. и т. п. Ну… не мне тебя учить. – Медленно протянул он, и, повернувшись спиной, гаденько захихикал.

Я в очередной раз испытал страстное желание дать этому… подобрать приличное слово не удалось… В общем, дать волшебного пендаля, дабы придать необходимое кинетическое ускорение, как раз до края крыши, а там – пусть закон притяжения разбирается. И в который раз осадил себя. Не потому что плохо, но, к сожалению, бесполезно. В лучшем случае – с крыши улечу я, а в худшем… У наставника своеобразное чувство юмора и давать повод проявить его желающих не встречалось.

Впереди тяжко вздохнуло. Наставник укоризненно пялился на меня через плечо, в глазах медленно угасала надежда от души повеселиться.

«Даже не надейся», – подумал, окончательно беря себя в руки.

Карлик еще раз вздохнул, пошмыгал крючковатым носом, снял шляпу-котелок. Смоляные глаза буравят дно котелка с раздражением фокусника потерявшего кролика. Опрокинув шляпу, вытряхнул со дна пару волосков, толстые пальцы пригладили редкие черные волосы. Водрузив котелок на место, он смахнул с плеча несуществующую пылинку, поправил полы сюртука и только затем перевел внимание на мою скромно молчащую персону. Темные провалы впились в лицо золотистыми зрачками, возникло ощущение мерзких холодных пальцев, залезающих в нутро и сжимающих сердце. Стиснув зубы, выдерживаю взгляд: за полтора года кое-чему научился…

– Ну что?! Будем колоться или продолжим в несознанку играть? – Первым нарушаю возникшую паузу.

Пока карлик морщит лоб, подбирая ответ, – резко, будто случайно отвожу взгляд в сторону. Исра раздосадовано крякнул, чувство тяжести ушло.

– Хочу тебе напомнить, – цежу сквозь зубы, – если с момента получения информации до прихода клиента будет меньше получаса, – я могу отказаться.

Карлик шумно сопит, смотрит исподлобья, похожие на сытых пиявок губы беззвучно шевелятся.

– Ну как хочешь… – Круто разворачиваюсь к люку на крыше. – Сам разберешься, али другим передашь?.. Ах да, не забудь в отчете написать, что провалил задание из-за неразделенной любви и т. д. и т.п… В общем, – сам знаешь! – Ехидно добавляю, делая короткий шажок.

– Клиенту осталось пятьдесят три минуты. – Сдается наставник.

Оборачиваюсь в полкорпуса, подозрительно смотрю на хмурую физиономию.

– На этот раз без подвоха, – карлик выставляет ладошки, – уже пятьдесят две, – готов слушать?

– Рожай уже, – нетерпеливо киваю, – только не забудь в этот раз детали!

– Да что ты так взъелся на прошлый раз – то. – Досадливо морщится наставник. Почесав под котелком, вздыхает. – Все так хорошо закончилось…

Карлик запнулся, увидев мои выпученные глаза. Набираю в грудь воздуха, чтобы уж ответить, как следует.

– Ну, почти! – Тут же поправляется он. – И вообще, – кто старое помянет, в оставшиеся пятьдесят минут не уложится. – Резко добавляет он. Откладываю гневную тираду для более подходящего времени, а его все меньше.

– Говори.

– А что говорить – то… – Карлик пожимает плечами. Достает из нагрудного кармана синий блокнот, водит пальцем по строчкам, бурча под нос и шелестя страницами.

– В общем – то, самая что ни на есть классика жанра… Так. Ага – вот! Купить десяток яиц, литр молока… Хм. Не то. – Хмыкнув, карлик продолжает переворачивать страницы, те медленно шуршат, им спешить некуда, а минуты между тем капают. – Вдова?.. А, нет. Этот абонент еще не в сети… Там такая забавная история случилась. – Хихикнул Исра. Зыркнул на мое перекошенное лицо, снова уткнулся в записи.

– Чесс слово! Вот помню, что записывал… клянусь… – Тут он подвигал бровями подбирая достойное сравнение. – Клянусь здоровьем моей покойной тетушки, – записывал. Даже помню, какой ручкой… правой. – Добавил он, помахав кистью перед моим носом. – Чернила были черные. Бумага – белая. Записывал! – Еще раз утвердительно тряхнул котелок. – Вот только в блокнот ли? – Задумчиво скребет в затылке.

– Исра!! – Медленно закипаю.

– Все, все. – Замахал ручками карлик. – Я ж сказал, точно помню, – вот сам посмотри!

Ткнув куда-то в центр абсолютно чистого листа, Исра, повернулся спиной, толстый палец забегал по строчкам.

– Мелевихин Игорь Витальевич… двенадцать полных лет… школьник, характер сложный нордический… не женат. – Кажется, я слишком громко скрипнул зубами, палец быстрее забегал по блокноту. – Так, первый опыт – в ванной с журналом, угу… ну тут все олл-райт, – то бишь правой справился, ибо правша. Первая любовь в садике, вторая и все последующие – она же, но уже в школе. Сидит за последней партой с самой толстой девочкой в классе, ага!..

Голос становился все тише, пока не упал до неразличимого шепота, в определенный момент темный котелок утвердительно качнулся, похожий на волосатую сосиску палец победоносно выстрелил вверх.

– Ну, вот видишь, – радостно изрек наставник, – я всегда подозревал, – лишние калории могут довести человека до ручки. Даже, если просто сидят рядом!

– А поконкретнее нельзя?!

– Ой, ну куда уж конкретнее. – Крючковатый нос уткнулся в записи. – Парень – лох, и этим все сказано. Его не пинает только ленивый… причем не только в школе, но и в родном дворе. Для анализа – более чем достаточно. Тридцать девять минут, кстати…

– Сирота?! – Задаю наводящие вопросы, от этого клоуна помощи ждать бесполезно.

– Угу. На все триста процентов. – Хихикает он.

– Блин, а это что значит?!

– Это значит, что у него двое счастливых отцов. Один – типа заделал, другой – типа воспитывает. А мать безумно рада, что оба не знают о настоящем.

– Парнишка узнал, что его воспитывает не отец?

– Ой, холодно, – радостно подпрыгивает наставник.

– Родители бьют?! Нежеланный ребенок?!!

– Бррр, замерзаю! – Карлик зябко передергивает плечами, кривая ухмылка расползается на лице.

Да твою ж!.. Так… не нервничаем. Он пытается вывести меня из равновесия, – ничего страшного, не в первый раз и не в последний. Вообще, по правилам наставники должны помогать подопечным, но все что касается моего, – не мешает, и то скажи спасибо.

Делаю глубокий вдох, собираясь с мыслями. В любых правилах есть исключения, но основные постулаты не обойти даже ему. А значит… Смотрю в нагло ухмыляющуюся физиономию, если он так уверен, значит… Значит, среди словесного поноса есть подсказка, но что именно?! Явно, не толстая соседка, уж слишком этот вариант навязывался. Может сложные отношения со сверстниками? Он вроде упоминал, что его били, а может…

– Теплее. – Радостно осклабился наставник. Смотрю непонимающе, ведь ничего не успел спросить. Может случайно вслух подумал.

– Ой, – горячее! – Карикатурно размахивая руками, карлик привстает на носочках, будто взлететь пытается.

Озираюсь, взгляд пробежался по замерзшей крыше, вернулся к широкой улыбке наставника, – к чему это он?

– Обожжешься, сгоришь!! – Рявкает карлик. Схватив за руку, с неожиданной для миниатюрного тельца силой, затаскивает меня за выступающий колодец вентиляционной шахты.

– Какого… – Не слишком чистая ладонь зажала рот. Яростно вращая глазами, увидел поднесенный к толстым губам указательный палец. Черные провалы смотрят куда-то вперед. – Т-шш-ш, не спугни раньше времени. – Загадочно проворковал Исра.

Проследил за его взглядом. Дыхание вырвалось со свистом сквозь стиснутые зубы, захотелось выругаться, причем крепко и от души: люк на крышу откинут, рядом стоит, неуверенно озираясь по сторонам, – пацан лет двенадцати, с полным набором подросткового созревания на худощавом лице.

Он еще и в очках!.. Дрожащими руками снял и неловко протер запотевшие стекла, худощавая фигура совершала непонятные подергивания, пока я догонял, что он просто дрожит.

Причем не от возбуждения или нервозности, а тупо, как и я, – от холода. Ветер радостно кинулся к новой жертве, пытался сорвать джинсовую куртку, дергал за штаны, толкал с крыши.

Он нервно трет озябшие ладони друг о друга, греет дыханием. Широко распахнутые глаза скользнули по нам с наставником… и прошли мимо. Никакой реакции. Так, словно смотрел сквозь нас, – я вопросительно уставился на Исру, но тот лишь сильнее осклабился.

Нашел развлечение, блин!.. Молча качаю головой и отыскиваю взглядом паренька, если не видит, значит, мое время еще не пришло. Но какого… Исра же говорил в запасе не меньше получаса!

Прыщавый подросток мелкими шажками неумолимо приближается к импровизированной ограде чуть выше колена, боязливо вытягивает шею, пытаясь заглянуть за край крыши. Зябко передергивает плечами, еще раз беспомощно озирается. Во всем его поведении был сплошной вопрос, он панически боялся высоты, но выбрал именно этот способ. Что-то тут не клеилось.

– Ты говорил, есть полчаса в запасе. Почему он уже здесь?!

– А я разве говорил, что осталось полчаса до прихода? – Невинно заморгал Исра. Открываю рот и захлопываю с громким лязгом, больно прикусив язык. – «Клиенту осталось»… Эти слова можно трактовать по-разному.

– Ты же всегда сообщал, сколько остается времени до появления объекта…

– Не всегда, а, как правило. – Карлик погрозил указательным пальцем. – И не надо мне указывать молодой человек, я свою работу знаю. А вот вы, – толстый палец больно уперся в район солнечного сплетения, будто черенком лопаты ткнули. – Могли бы повнимательнее почитать свод правил, прежде чем права качать… Не меньше получаса… Откажусь… – Копируя мой голос и интонации передразнил карлик.

– Щенок… – Беззлобно пробурчал Исра, сплевывая мне под ноги. – Таких как ты, я на завтрак пачками ел.

А вот тут мог быть не только переносный смысл. В широкой улыбке карлика сверкнул двойной ряд острых клыков, уши чуть заострились, выдавая нечеловеческую сущность. Ну-ну, – плавали, знаем. Несколько секунд желтые и зеленые глаза ведут незримую дуэль: спокойно выдерживаю голодный взгляд, – за последнее время успел навидаться и не такого. Лицо наставника разочарованно вытянулось. Впрочем, он довольно быстро пришел в себя, и уже через мгновение радостно щерился во все… да сколько же там у него зубов!?

– Пятнадцать минут, – радостно сообщил он. – А что до лимита времени, так это касается «ухода» клиента. Хватит облегчать тебе жизнь.

Молча перевожу взгляд на парапет. Ветер завывал, словно голодный пес кидался на хрупкую фигурку, отрывал судорожно сжатые пальцы от ржавых прутьев. Говорят, перед смертью время замедляется и вся жизнь, словно кинохроника пролетает перед глазами. Паренька, стучащего зубами на краю крыши, от свободного падения отделял один шаг через смехотворный парапет. Один шаг… и пятнадцать минут. Может сейчас время для него и остановилось. Но лично я чувствовал лишь, как внезапно взмокла спина, несмотря на порывы ледяного ветра, а время рвануло за удила и понеслось бешеным галопом. В голове просторно и пусто. Там тоже гулял свой ветер, подгоняя редкие толковые мысли, которые, как назло, проносило мимо меня.

– Четырнадцать минут, – каркнуло рядом, – Исра шумно сплюнул и почесал между лопаток, смешно выгибая горбатую спину.

Что – то было не так. Да, наставник конечно зверь, но даже он заинтересован в положительном исходе. Голова раскалывалась, тонкая струйка пота побежала между лопаток, а зубы выбивали чечетку от холода. Думать, отстраниться от внешней среды и направить всю оставшуюся энергию на поиск решения.

Закрыв глаза, стараюсь полностью отрешиться: от воющего ветра, от пронизывающих потоков, шумного сопения наставника под боком, – никого и ничего вокруг. Только Я. Как

мерило. Как центр всего и точка отсчета для добра или зла. Бешеные порывы уже не толкали в спину, завывания стихли до едва различимого шепота, да и тот вскоре обиженно смолк. Свет, прожигающий прикрытые веки, потускнел, кровавая пелена сменилась синевато-черной дымкой. Шум просыпающегося, а может еще не ложившегося мегаполиса истончился до комариного писка и повис в звенящей пустоте, медленно таял в воздухе, будто звон оборванной струны. Ничего. Только серая мгла и эта звенящая пустота внутри. И я – в ее центре. Откуда – то из космической дали донесся непонятный звук, постепенно, набирая силу, он устремился в мою сторону, бился о кокон Пустоты.

– Тринадцать… – Звук обрел форму, превратился в слова, медленно и тягуче пытаясь достичь сознания, – минут…

Пора. Глубокий вдох, веки затрепетали и распахнулись навстречу яростному ветру. Зрачки сузились, сконцентрировав все внимание на дрожащей фигуре, медленно заносящей ногу над парапетом.

Сколько раз я проделывал подобное? Но, поднять глаза вверх, вновь увидеть черные крылья… неимоверно сложно. Будто в первый раз высматриваешь метку смерти… Ибо стоит их увидеть, как холодная кисть ложится на твое плечо, а вторая тянется к нему… или к ней, – не важно. Только одно имеет значение в этот момент: стоит сосредоточиться на крыльях и у жертвы уже не будет шансов спастись самой. Надежды на помощь извне. Ваши судьбы отныне связаны смертью и только от тебя зависит – сделает он последний шаг за край или нет. От твоих слов или действий, а может даже от бездействия, и никогда не узнаешь, от чего именно, пока Часы не пробьют последнюю минуту.

Еще один вдох, поднимаю глаза. Пару мгновений непонимающе пялюсь на яркое солнце над его головой, ловлю распахнутым ртом воздух, – так не бывает. Пусто… Даже не прозрачные серые крылья, когда душа из последних сил противится рокового шага, а вообще – ничего! Даже намека на метку самоубийцы.

Оборачиваюсь к наставнику, – Исра с самым сосредоточенным видом ковыряет в носу. Пятерня порхает, словно крылья бабочки, видно с каким усилием указательный палец взрыхляет залежи в глубинах мясистого носа, с каждым махом вгрызаясь все глубже. В какой-то момент на сосредоточенном лице расцветает улыбка, карлик победоносно достает палец. Рассматривает самым внимательным образом, аккуратно вытирает о жилетку и тянется продолжить прерванное занятие. Перехватываю кисть на полпути, и лишь тогда он недовольно поднимает на меня глаза.

– У него нет метки. – Бросаюсь с места в карьер. – Что это значит?

– А ты везде внимательно посмотрел, – гнусавым голосом уточняет наставник, – может, закатилась куды?

– Исра!! Какого черта, – при этих словах он едва не захрюкал от удовольствия. Зарекался же при нем произносить, ну да ладно. – Что вообще происходит? Это не наш клиент. Он вообще ничего общего не имеет с нашей конторой. Мало того, что нет метки, так он же еще и высоты боится до поросячьего визга – ты только посмотри на него! Где настоящая цель, зачем мы здесь?!

Карлик выпучил глаза, щеки раздулись, грудь взлетела вверх, как у петуха забияки, – вот-вот лопнет, и… Если бы вместо злосчастной крыши мы находились в зоопарке, я бы решил, что трубит слон. Но куда уж лопоухому, до чихнувшего наставника. Каким чудом меня не унесло с крыши – не представляю, а вот паренек подпрыгнул на месте, выпученными глазами уставился на вентиляционную шахту, – нас он по-прежнему не видел. Ладно, хотя бы отвлекся от края, и то хорошо.

– Хм… Ты что-то сказал? – Шмыгнув носом, невинно поинтересовался наставник.

Он почти безмятежен, вот только часики у меня в голове продолжали тикать, отсчитывая последние минуты. Когда до конца остается все меньше, я тоже начинаю слышать утека-

ющее время. Готов поклясться, до точки невозврата осталось в лучшем случае минут десять, не больше. Перевожу ошалелый взгляд на парапет, до рези в глазах всматриваюсь в мнущуюся на краю фигуру, – ничего… Перепуганные глаза с лопнувшими от напряжения сосудами все пытаются высмотреть нас через запотевшие линзы очков. И тоже тщетно.

Неловкое движение и он задевает ногой парапет. Машет руками, цепляясь за холодный воздух, едва не вываливаясь с крыши.

Рука выстреливает вперед, пытаясь удержать, – глупый инстинктивный жест: слишком далеко. Все равно тянусь, будто могу преодолеть разделяющие нас метры. Но даже если бы не они, мне никогда не преодолеть пропасть правил, которые вступают сейчас в силу. Ведь помимо законов физических, есть множество других, о коих неустанно твердит наставник. Я – не спасательный круг, даже не человек… Я лишь придаток… цепной пес системы. И сейчас поводок звенит, будто перетянутая струна, удавкой стягиваясь на худой шее. Даже сделать шаг ему навстречу не могу, пока другой конец не отпустит Исра. Или пока я не увижу эти долбаные крылья!!

– Но-но-но, лошадка, – осаживает мой порыв наставник. – Не так быстро. Или ты забыл очередность?

– Отпусти… – полузадушено шепчу, привстав на цыпочки.

Легкий пасс рукой наставника и меня отбрасывает назад, впечатав спиной в холодную стену трубы.

Мальчишка на краю с трудом ловит потерянное равновесие, приседает на дрожащих ногах. Сведенные судорогой пальцы вцепились в ограждение, удерживая тело под яростными порывами. Очки слетели, выпученные глаза слепо таращатся навстречу ветру, ледяные потоки плетьми стегают согнутую фигуру.

– Отпусти… Ты же видишь, он не вывезет сам! – Пытаюсь перекричать ветер.

– Увы, – горестно всплескивает руками наставник. – Видимо я где-то допустил промашку, – это и правда, не наш клиент. Ты прав, я ошибся. Пошли.

Карлик резко разворачивается с явным намерением уйти, – перевожу изумленный взгляд на съежившуюся на краю фигуру и обратно.

– А как же… – Замолкаю, не найдя ничего лучше, как ткнуть в сторону парапета. На мой вопросительный взгляд, Исра молча пожимает плечами, переводит взгляд на пацана.

– Метки нет. Клиент не наш. Ложный вызов! – Разводит он руками. – Можно расходиться по домам и баиньки.

– А что будет с ним?! – Неопределенное пожимание плечами, – ему все равно. Он уже преодолел половину пути до люка, когда его догнал мой крик.

– Почему Часы продолжают идти?! Ответь мне – Исра!!!

Еще три шага, казалось он так и уйдет, не удостоив ответом. Но перед люком все-таки обернулся, черные провалы впились в лицо, на этот раз сил отвести взгляд не нашлось.

– Через четыре, максимум пять минут, – он упадет с крыши. Но это будет не более чем несчастный случай. Так что нас это не касается, – можем спокойно уходить.

– Мы обязаны предотвращать смертные случаи. – Губы совсем замерзли и едва слушались, он скорее угадал содержание по интонации, нежели услышал.

– Если это умышленно, – строго погрозил мне крючковатый палец, – а здесь никакого изначального умысла нет. Просто парню не повезло, – кто-то в системе попутал службы и вместо ангела-хранителя вызвал нас. А мы подобными вещами не занимаемся.

Последняя фраза потонула в широком зевке, на мгновение мелькнул частокол кривых клыков, красным огоньком стрельнул раздвоенный язык.

– Можешь подать официальную жалобу и переслать дело в нужную инстанцию. Там его рассмотрят… – Очередной зевок. – И в самое ближайшее время… не позже конца рабочей недели, – все исправят. А сегодня понедельник, – день тяжелый. Так что пошли спать.

Я несколько раз открывал и закрывал рот, силясь найти нужные слова. Наконец, челюсти сомкнулись с лязгом, замерзшие пальцы яростно взъерошили короткие рыжие волосы на голове, во все стороны полетели мелкие льдинки.

– Исра, только честно, зачем мы здесь. – Вскидываю на него глаза, на прямой ответ сложно было рассчитывать, но я упорно буравил темные провалы, пытаясь разглядеть в них хоть каплю совести.

– Ошибка, – меланхолично ответил он, – я же говорил.

За спиной раздался противный скрежет. Стараясь не выпускать из поля зрения наставника, бросаю короткий взгляд через плечо. Три стержня секции парапета лопнули у основания, оставшиеся четыре, едва удерживали висящего подростка. Глаза зажмурены, губы дрожат, сведенные судорогой пальцы впились в ржавый прут, побелевшие костяшки вот-вот прорвут кожу. Еще пара минут и все. А после, – дворник в пьяном угаре или припозднившийся гуляка, наткнутся на неразлучную парочку: его и этот парапет, который не в силах отпустить.

Поводок душил, тянул к люку. Окажись я здесь случайно и мог бы попытаться спасти подростка, как самый обычный человек. Но меня привел наставник, а значит, с момента появления на крыше, и до прихода объекта мы уже были под действием правил. Если это не наш случай, почему до сих пор действует ограничение? Если судьба предопределена, – даже мое вмешательство не могло бы его спасти ни при каких условиях. Если это судьба… А не внешнее влияние… не эмоциональное состояние, что приводит человека на грань жизни и смерти, когда вмешиваемся мы, пытаясь сохранить равновесие. Избежать сошествия в Ад с формулировкой «без суда и следствия». Дать еще один шанс, – доказать приверженность к той или иной фракции реальными делами и поступками, а не сиюминутным порывом. Такая маленькая, но такая огромная лазейка в библейских трактовках, что не будь нашей конторы и рай бы пустовал.

Так почему поводок душит, не давая сделать и шаг. Почему наставник упорно пытается увести меня с крыши, на которую сам и вызвал. Зачем было нужно, чтобы я увидел объект, а потом… Думай. Думай!.. ДУМАЙ!! Значит, зацепка есть, или есть способ, как ему помочь в рамках наших полномочий. Так почему же эта скотина всячески пытается скрыть его от меня. Какой ему интерес в чужой смерти. Ведь мы всегда должны добиваться спасения объекта. Даже зная его неприязнь ко мне… Усложнить задачу, это в его стиле. Но не дать даже попытаться помочь, – такого еще ни разу не было. Мы всегда до последнего…

«Не всегда, а, как правило» – слова наставника всплыли, как гром среди ясного неба. Соврать напрямую он не мог, если это касается текущего задания, но умолчать или исказить смысл… Темные провалы буравили лицо. Он ждал. Ждал, и так же, как и я, слышал нарастающий грохот Часов, отсчитывающих оставшиеся минуты. На последних ударах в бой за душу человека должен вступить я, но не смогу. Или все-таки мне не дают это сделать?

Бросаю бессильный взгляд на край крыши, – не знаю парень, где ты так нагрешил…

– «Нагрешил»?!!

Похоже, я произнес это вслух. Перевожу изумленный взгляд на карлика и понимаю, – угадал. Козлиная бородка дернулась, послышался противный скрип зубов, золотые глаза с неприязнью прожигают цепляющегося за жизнь человечка.

– Исра, – ну ка быстро ближайшую сводку вероятности для объекта! – Карлик смотрит исподлобья, беззвучно шевелит толстыми губами. – Не тяни кота за лапку, поверь, теперь я сумею повесить на тебя эту смерть.

– Сам догадался?

– Неважно! Озвучивай…

Карлик с надеждой глянул в сторону скрипнувшего парапета, но тот все еще удерживал худенького паренька от первого и последнего полета. Так не пойдет…

– Взываю к Тебе ВЛА…

– ЛАДНО!! – Резко прерывает карлик. Вся его горбатая фигура, словно еще больше осунулась, даже крючковатый нос казался понурым. – Если он упадет сейчас, то с вероятностью в девяносто девять процентов попадет из распреда в рай.

– И?.. Договаривай скорее.

– Его довели до присутствия на этой крыше, но о самоубийстве он не помышлял. – Наконец сдался Исра. – Но именно из-за визита сюда его жизненный путь должен прерваться. Кто-то некорректно считал эмоциональное состояние и подал заявку на вмешательство первой степени, с возможностью продления жизни объекту, а другой кретин эту заявку одобрил. Праздники, чтоб их… – Прошептал карлик и забормотал что-то совсем невнятное себе под нос

– Кто-то?

– Ну – я! – Крикнул наставник. С досады плюнул против ветра, ругнулся и вытер рукавом лицо. – Но не наше это дело. Если сейчас все оставим как есть, взыскания не будет. А тебя никто не будет доставать в положенные сорок дней, – тебя ведь это интересует?!?

– Меня интересует, чего ты так трясешься и почему даже не пытаешься дать мне шанс его спасти!

– Да потому, что ему суждено сегодня умереть, дубина!! – Рявкнул наставник, подпрыгнув на кривых ножках. – Ему некуда продлевать жизнь, – дальше этой крыши ее просто нет!

– Тогда зачем поводок, к чему этот цирк, если его все равно не спасти? Не юли, мое терпение не резиновое.

– Его нельзя спаса… нельзя спасти, – угрюмо пробубнил наставник, наблюдая за краем крыши.

– Нельзя – что?

– Пойми, – вкрадчиво начал он, заискивающе заглядывая в глаза. – Ему времени отмерено лишь по сегодняшнее число, – до этого он мог помереть множество раз, но сейчас должен обязательно. Он никак этого не изменит!

Крупные капли пота градом катились по внезапно побледневшему лицу наставника. Как ни хитер старый лис, он не мог солгать на вопрос касающийся задания. Напрямую не мог. Главное, – найти верные вопросы.

– А мы… можем изменить?

– Да. Нет. Не совсем… Послушай, ну зачем тебе это?! – Взмолился карлик. – Он ведь все равно попадет в рай после смерти.

– А если мы его спасем? – Глаза Исры выпучились, лицо из бледного стало пунцовым, казалось еще чуть и его самого удар хватит.

– Нельзя. Н-н-н – евозможно. – Даже стал заикаться Исра. – Если даже просто попытаемся, он пройдет по нашему ведомству и ему припишут суицид, со всеми вытекающими.

– А если получится, он будет жить?

– У него не будет судьбы!!! – Взвыл наставник.

– Он будет жить?..

– Ты не понимаешь… – В отчаянии схватился он за голову. – Это даже не нарушение всех догм, – это просто не-во-з-мо-ж-но!

– Тогда чего ты так трясешься, – просто отпусти поводок…

Квадратная голова яростно замотала из стороны в сторону, черный колпак слетел, и его тут же унесло ветром. Темные провалы умоляюще смотрели на скорчившуюся тощую фигуру, толстые губы беззвучно шевелились, подбадривая хлипкую ограду как можно скорее рухнуть вниз.

– Не отпустишь?

– Нет! – Рявкнул карлик. – Если хочешь вляпаться в это, – действуй сам.

– Да я бы рад… Но как!?

– Ты должен увидеть крылья, – тихо пробубнил Исра.

– Спасибо, прописные истины я знаю. А как помочь, если он не самоубийца?

– Ты должен увидеть крылья. – Тихо, но уже чуть увереннее произнес он, когда ограда с резким звоном лишилась очередного стержня.

– Но как?!

– Ты должен увидеть крылья, – с каждой секундой его голос становился все увереннее.

Мне не нужно было оборачиваться, чтобы понять почему, – счет пошел на секунды. И вроде бы можно сказать, – я сделал все, что в моих силах. И не будет сорока дней, пока душа, в ожидании судилища, будет повсюду преследовать меня, сводя с ума. Да, я не любил свою работу. Даже не так, – я ее люто ненавидел. Это не то занятие, которое можно выбрать, а меня никто не спрашивал, хочу ли я такую ношу. Судьба такая, – именно так заявил он мне, прежде чем взять в оборот. И постоянно твердит, что все это – во искупление грехов, о которых я ничего не помню! Как не помню, – кто я, и зачем пришел в этот мир.

Бой Часов стал напоминать сошедшую лавину. Сминая все на своем пути время беспощадно набирало ход, собираясь смести и хлипкий парапет, и вцепившегося в него подростка… И остатки моей борьбы.

На короткий миг наши взгляды встретились: отчаяние, страх, ненависть, боль, и смертная тоска, как осознание неизбежного.

Меня словно током ударило: полтора года назад, именно такие глаза смотрели на меня из зеркала… И не узнавали… За спиной раздавались стенания неупокоенных душ, дикий хохот наставника, в ногах ползал окровавленный Визор… Нерожденный… жуткое порождение матери самоубийцы, – женщины, брошенной любовником на раннем сроке беременности, что перенесла всю ненависть на формирующийся плод… Лишенный материнской любви ещё в утробе он так и не смог обрести душу, – ему «нигде» не нашлось места. Будто в насмешку Исра прикрепил существо ко мне, – позволил жить, питаясь моими чувствами… Чувствами?!.. Горькая усмешка искривила губы. Думаю, первый год малыш голодал. Я не помню этой женщины, не знаю, почему эта смерть оказалась на моей совести. Но, как следствие, ее дух слонялся за мной, тихо подвывал, протягивая призрачные руки к…

Желудок подкатил к горлу, забился в плотно стиснутые зубы, даже спустя полтора года меня начинало трясти, когда вспоминал день своего пробуждения. Комок плоти верещит, Визор извивается на грязном кафеле, пытается коснуться призрачных пальцев, а я… Лежа в обнимку с унитазом, сотрясаемый позывами рвоты, я больше всего на свете хотел, чтобы замолк проклятый голос в голове, который все повторял и повторял, – «это – твоя судьба»… «Это – твоя судьба».. «ЭТО – ТВОЯ СУДЬБА!!!»

«А это его судьба» – едва слышно прошептал наставник, наблюдая, как ломаются, словно сухие льдинки, последние сварные швы, а незадачливый подросток с жалобным криком летит вниз.

Рванулся навстречу, тело вытянулось дугой, невидимая цепь натянулась, ошейник сдавил горло. Пальцы, будто паучьи лапки, царапали воздух, пытаясь дотянуться еще чуть-чуть вперед. В ушах еще звенел отчаянный крик, звон ломающегося металла, но перекрывая все, нарастал каркающий смех наставника. Кровь стучит в висках могильным набатом, кровавая пелена застилает глаза, легкие с натугой гоняют воздух через стиснутое горло.

Сквозь кровавое марево смутно виден силуэт, как в замедленной съемке он откидывается назад, пробивая слои, ставшего внезапно тягучим, воздуха. В правой руке нелепо вздернут ржавый стержень с рваным концом, распахнутый рот судорожно вбирает промозглый воздух, чтобы выдохнуть в последний раз уже там, на земле… В отчаянных глазах на миг отобразилось бескрайнее синее небо, безбрежные островки облаков, в глубине зрачка возникла и пошла расти черная точка. Затмив облака и небо она росла вширь, пока не распустились черным бутоном в глубине глаз рваные крылья… За ним пришли…

С жалобным звоном лопнула цепь… невидимые осколки впились в замерзшее тело, ревущий поток ударил в спину, добавляя сил в отчаянный рывок. Удар, еще удар: сердце, словно заторможенный старик едва билось в висках, в то время, как пулеметной дробью простучали шаги, ноги едва не взлетали над обледенелой крышей. Холодная ладонь легла на плечо, левая рука занемела, лед побежал по жилам, острой сосулькой кольнул в замершее сердце. Пальцы правой выстрелили вперед, впились в широкий ворот куртки. Ноги уперлись, а тело резко откинулось назад, пытаясь погасить энергию рывка.

«Или хотя бы вытянуть его с края, а дальше будь, что»… – Отчаянно билось в голове. Скорее же… Вторая рука ляжет на его плечо и тогда…

Боль пронзила правую руку, ледяная стужа пронеслась по кисти, затопив сердце. Меня рвануло назад с такой силой, что ступни несколько метров пролетели по воздуху. Дыхание со всхлипом вылетело через лязгнувшие зубы, когда спина встретилась с крышей. В стиснутых пальцах остались клочки ткани, пару ногтей сорвало с мясом, там быстро проступила кровь.

Но отбросило не только меня. На самом краю вихляет тощая фигура, отчаянно ища точку опоры. С огромным трудом, я едва сумел встать на четвереньки. Шатаясь, со всей доступной скоростью спешу обратно.

Мне оставалось преодолеть еще пару метров, как парень поймал потерянное равновесие. Дико осматриваясь вокруг, он выглянул через зияющий проем парапета на землю, резко отпрянул ко мне. Рука дернулась, ухватить его за лодыжку и… Кисть прошла, не встретив сопротивления. Не удержав равновесия, падаю лицом на крышу.

Привстал на дрожащих руках, из разбитого носа обильно льется кровь, тягучие капли срывает и уносит яростный ветер.

«Что произошло?» – Перед глазами маячат белые кроссовки, рука снова тянется, но пальцы проходят сквозь них, будто это мираж. Мычу, отчаянно пытаясь ухватить, но тщетно.

«Что происходит, почему?» – Почти удается сесть, но в последний миг яростный порыв ветра заваливает на бок, и я вижу их… Огромные, словно черные паруса, крылья хлопают на ветру за спиной мальчишки. С каждой секундой они становятся темнее, наливаются силой, выпивая остатки его жизни. И с каждой секундой все больше отчаяния и безысходности в распахнутых карих глазах, все меньше жажды жизни. Взгляд его тускнел стремительно, будто огонек свечи, задутый свирепым ветром, только кончик фитиля еще тлел, где-то в самой глубине.

– Судьбу не обманешь, – проскрипело за спиной, – своей выходкой, ты его не спас, а лишь отсрочил случайную смерть. Сделал ее преднамеренной… А что ты думал произойдет, когда ты потянешься за крыльями, кретин?!! – Зашелся в крике наставник.

Слезы прорвали невидимую запруду, широкими потоками залили лицо, пробив дорожки сквозь грязь и кровь. Сквозь мутную пелену, вижу, как, ставшие чужими, мои руки бесцельно пытаются ухватиться за одежду, коснуться руки подростка. Черные крылья застили полнеба, тянули его сделать отсроченный шаг.

– Зачем все это? – Прошептали его губы. – Мне все равно незачем жить.

Крохотный шажок, и он поравнялся с дырой в ограждении. Голова запрокинута вверх, на прикрытые веки падают снежинки, тают, стекая по щекам, словно небесные слезы.

– Нет… Нет… НЕЕЕЕТ!!! – Отчаянно пытаюсь дотянуться, удержать, – бесполезно. – Ты должен жить, какая бы причина не привела сюда, – завтра все будет по-другому, только удержись сейчас, слышишь!!

– Не будет… – Едва слышно шепнули посиневшие губы. – Она… Она сказала, что чувства определяются поступками. Сказала, если приду сюда и выгляну за край, то она… Дрожащая кисть смахнула проступившие слезы. – Не важно.

Он не видел меня. Я не мог его коснуться. Даже мой голос он воспринимал скорее, как внутренний. Нет времени искать причину, почему так произошло. Но что я могу сделать?!

– Важно! Не бывает мелочей. Если она так сказала, значит не все потеряно. – Неужели речь о той самой, первой и единственной любви, что протянулась от садика до школьной доски? А ведь наставник упоминал об этом, правда совсем мимоходом. Но в нашем деле не бывает мелочей. – Борись. Если ты любишь, то борись за нее, слышишь. Не сдавайся! – Он лишь покачал головой, может на мои слова, а может своим мыслям. Непонятно, слышит ли он меня.

– Она даже не пришла… – Его борьба ослабевала с каждой секундой. Сколько раз я слышал подобный диалог жертвы со своей душой. И почти всегда, когда человека уже не спасти, и он перестает тебя слышать, и видеть. Он всхлипнул и еще выше запрокинул голову, но слезы все равно прорвали запруду, свободно текли по щекам. – Зато он… И его дружки там, внизу. Снимают на телефоны… Ржут… Ненавижу… – Едва слышно прошептал он, слова с трудом слетали с дрожащих губ.

Его грудь конвульсивно задергалась, пытаясь унять нарастающие рыдания, но с каждой секундой внутренняя боль лишь росла. Обняв себя руками, он еще сильнее зажмурил глаза и занес ногу над краем.

– Не надо. – Шепчу одними губами. Вкладываю в этот посыл все оставшиеся силы, лишь бы он услышал, почувствовал.

– Теперь правила действуют на вас обоих. Ты принял за него решение, он уже не может сойти с выбранного пути. – Печально проскрипел Исра. – Вот только в конце его будет ждать не апостол Петр, а… Ну в общем, – сам знаешь. Я предупреждал.

– Нет. Я же могу… Я же могу его остановить!

– Не можешь. Каждый должен принять это решение сам. Как об уходе из жизни, так и о возвращении…

Наставник подобрал застрявший в люке черный котелок, выбил пыль о колено, критически осмотрел получившийся результат, скривился и яростно водрузил его на плешивую голову.

– Мы не останавливаем, а только помогаем вернуть прежнюю волю к жизни и обрести смысл, если человек потерял их.

Парень что-то бормочет, неуверенная улыбка бледным цветком расцветает на губах, ноги делают короткий и такой бесконечно длинный шаг за край. Бессильно тяну окровавленные пальцы, в отчаянии скребу след от кроссовок на крыше.

– Почему, ответь мне, почему?! – Рыдания сотрясают грудь. Черный котелок почти исчез в темном проеме люка. Кажется, что он так и уйдет. В последний момент котелок качнулся из стороны в сторону и, не оборачиваясь, произнес.

– Потому что решение за него принял ты, а значит и воля к жизни должна быть твоей и только твоей… Но ты ведь и сам не хочешь жить, верно?.. – Последние слова потонули в грохоте шагов по металлической лестнице.

А над крышей, заглушая ветер… Заглушая свист рассекаемого падающим телом воздуха… Бьющееся в голове – «это твоя судьба», – прокатился дикий, нечеловеческий вой, полный боли и страдания.

Я могу прыгнуть следом тысячу раз… но не смогу умереть. И даже выдави я себе глаза, перед внутренним взором будет стоять бледное, но решительное лицо маленького человека… что сделал свой последний шаг с промерзшей крыши… Сделал… вместо меня…

***

Тело на кровати подпрыгнуло, выгнулось дугой, скрюченные пальцы бессильно царапают спертый воздух, оскаленный рот распахнут в беззвучном крике, под трепещущими веками, словно вспугнутые тараканы мечутся глазные яблоки. Ноги молотят скинутое одеяло, забивая его в дальний угол кровати. Влажная простынь облепила спину, словно вторая кожа, с уголка губ слетают бессвязные слова.

Визор заскулил и прижал голову к полу, пытаясь зарыться в толстый ворс пыльного ковра. Не имея полноценной души или разума, он разделял боль и страдания хозяина как свои. Вот и сейчас, отчаяние и боль волнами накатывали на него, заставляя в ужасе зажмурить единственный глаз. Но даже так, он продолжать видеть, как мечется в горячечном бреду тело единственного дорогого ему человека. Видел, как и всякую ночь, когда ничем не мог облегчить его страдания. Правда несколько дней назад, подражая местным кошкам, он сумел отрастить короткую мягкую шерсть на загривке и даже подлез под руку хозяина во время сна. Тогда тоже было плохо, не так как сейчас, но очень плохо. Он знал, хозяин не слышит и не видит ничего вокруг. Но в ту ночь, стоило взмокшей ладони ощутить его дрожащую спину, как нечто изменилось в страдании хозяина. Да, он все так же стонал и скрипел зубами, но не так метались глаза под сомкнутыми веками, сердце стучало как бешенное, но уже не вырывалось из груди, а скрюченные пальцы наконец-то нашли точку опоры, стиснув короткую шерсть. Так длилось всего пару ночей, но, если бы Визор знал значение этого слова, то мог бы сказать, что был счастлив. Жертвенность была одним из единственных доступных ему способов проявления любви, – слова или чувства, значения которых он тоже не знал. Но искренне испытывал к своему единственному другу, хозяину, члену семьи.

Вот и сейчас, он разрывался между желанием облегчить страдания друга и страхом. Еще одним незнакомым чувством, что испытал вчера, когда рука хозяина вместо шерсти стиснула его горло. Боялся, но все равно потихоньку подползал все ближе к свесившейся с кровати ладони.

Темнота окружала, накатывала волнами, била в веки, которые он не в силах разлепить. Тишина давила, редко через ее звенящий шепот прорывался тягучий и невероятно медленный удар сердца. Немощный и слабый, он, как паралитик, дерганными, рваными движениями пытался разорвать кокон глухоты, рвался во все стороны и затухал, не найдя края этого псевдо мира. Разум тщетно бился об эту преграду, на самых задворках упорно вертелась суматошная мысль, будто все это уже было. Причем не один раз, а множество. Чувство дежавю постепенно затухало перед набирающим обороты паническим страхом, предвкушением чего-то ужасного. Так, падающий во сне человек с ужасом ожидает встречи с землей, когда накатывает дурнота, а желудок упорно стучится в челюсти, в попытке сойти до приземления. Так, уходят в атаку, держа палец на спусковом крючке, зная, что магазин пуст. Так, он ожидал каждый раз в немом бессилии, когда же наступит… Что?!.. Разум метался, словно тигр в клетке, ища ответ на свой извечный вопрос. Если в этот раз он успеет понять… Вспомнить!.. То все будет по-другому… Все будет… Все…

Карлик бросил короткий взгляд на стонущего юношу, пухлая ручка стиснула нижнюю колбу маленьких песочных часов, желтые зрачки зло проводили очередную кровавую песчинку. Нарушая законы притяжения, она отделилась от скромной кучки в нижней колбе, вспыхнула, пересекая перекрученную границу, чтобы крохотным угольком влиться в клубящуюся тучу вверху.

Глубокая морщина пересекла широкий лоб, крупные капли пота покрывали мрачное чело, затекали за ворот белоснежной сорочки, щекоча толстую короткую шею, но ни единый мускул не дрогнул на застывшем лице. Казалось, только черные провалы глаз еще продолжали жить, разрываясь между пареньком и стеклянной колбой. Еще одна красная песчинка вознеслась, застыв посередине, будто решая, на какую сторону встать. Тело на кровати выгнулось дугой, набирающий обороты жуткий вой сотряс стены, скрюченные пальцы впиваются в веки, пытаясь выдавить глаза.

– «Борись», – едва слышно, почти не двигая губами, прошептал карлик, прожигая взглядом жидкую красную горку на дне часов, – «еще осталось время»…

Глава 2.1. Один день из не жизни, не человека… «Погоня за хвостом»

День не задался с самого утра… Года два назад.

Скрученные судорогой пальцы, охрипший от крика рот, вкус крови на губах, – снова грыз подушку в беспамятстве. Хотя нет, сплевывая комок перьев, печальным взглядом взираю на снежный покров на полу, – все-таки разгрыз.

Белоснежный холмик перед кроватью зашевелился, просел, шапка перьев съехала в сторону, на меня неуверенно уставился фиолетовый глаз. Заметив, что уже подаю признаки жизни, Визор выполз целиком, утробно заурчал. Я в который раз задался вопросом, – как это у него получается при отсутствии рта. Весь его небогатый набор органов чувств и осязания, ограничивался огромным, на пол морды, глазом, да двумя короткими культяпками, что должны, вероятно, имитировать руки, но слабо с этим справлялись. Веретенообразное тело сужалось сразу за лапками, переходя в узкий, клиновидный хвост, который яростно двигался из стороны в сторону, взметая в воздух тучи перьев. Как вообще могло жить подобное существо: без органов пищеварения, дыхания… Визор был одним сплошным вопросом.

«– Оно не живет» – Поправил меня тогда Исра, – «Но существует. Это удел всех нерожденных…»

Со стоном переворачиваюсь на спину, голова вминается в прохудившуюся наволочку, остатки перьев колют шею, щекочут щеки. Через плотные шторы пробился крохотный солнечный зайчик, перебежками достиг кровати, робко коснулся свисающей с кровати руки, пытаясь втиснуться в ладонь. Тут уже не выдержал Визор: с утробным рычанием, малыш кинулся к хозяину, изо всех сил помогая короткими лапками.

В ладонь ткнулось теплое, урчащее, покрытое короткой мягкой шерстью, – привычно пригладил горбатую спинку, ощущая радостную дрожь единственного преданного мне существа.

Нерожденный… Немертвый… И то, и другое, верно. И то, и другое – моя вина. Если верить наставнику. А ему верить нельзя.

День, когда в моей жизни появился Визор, трудно назвать счастливым. Как и мое пробуждение. Но в такие моменты, я был рад этому несчастливому стечению обстоятельств. Ощущать под пальцами, чтобы там не говорили, – живое существо. Чувствовать, как, не имеющий своих эмоций малыш, выпивает без остатка мои. Те самые, которыми любой бы рад поделиться, но кому нужно такое «счастье».

– Несчастье ты мое, – Не прекращая гладить, свешиваюсь с кровати, наши взгляды пересекаются. Я отвожу первым.

Стало неловко перед малышом, – он, как зеркало. Если увижу в фиолетовом глазе гнетущую грусть, – это лишь тень моей, что уже стала собственностью малыша. В таком живом зеркале можно было увидеть целую палитру эмоций: страх, боль, отчаяние, гнев и жалость. В нем отражалось все. Кроме радости. Эту эмоцию мы все выпиваем без остатка. Может поэтому ее так мало вне наших сердец, а окружающий мир наполнен не самыми радостными впечатлениями.

Вот и сейчас, стоило вернуться к подобным мыслям, как малыш отлип от руки, запрокинул тупую мордочку и горько, жалостливо завыл, утробно вибрируя на невероятно высокой частоте. Еще пару минут он так и стоял, раскачиваясь на коротких ножках и качая головой. Печальная песня перешла звуковой барьер, – волны тоски и отчаяния, захлестывали с головой, ознобом растекаясь по телу.

Последнее эхо одиночества разбилось о холод стен. Последний куплет боли исполнен. Топот коротких ножек удалился от кровати, затерялся в глубине коридора, – я остался один.

Теперь уже совсем: ни боли, ни радости, только мысли, от которых никуда не деться. Но даже сейчас. Пытаясь разогнать пелену беспамятства, скрывавшую мои сны, – я продолжал страдать. Это была не та боль, которую можно увидеть. Не та, которую мог почувствовать Визор. Словно тень, отголосок, фантом настоящей боли. Человек чувствует боль в отрезанной части тела. Я же, ощущал себя так, будто отрезали тело само.

И так, – каждое утро.

Сделав глубокий вдох, сжимаю до боли веки, массирую виски, чувствуя, как дрожат от напряжения пальцы, перед глазами калейдоскопом носятся цветные круги. Они накатывают, создавая иллюзию лабиринта или кроличьей норы, словно я брожу внутри головы, – запутавшись в себе, ищу выход. Или ответ. Что же скрывают эти лабиринты памяти? Что скрывает ехидная улыбка наставника. Почему я не могу вспомнить даже смутных образов того, что мучает по ночам. Почему!..

Простынь смялась, зажатая в трясущемся кулаке, глаза распахнулись, успев заметить тьму, словно клубящуюся под потолком, но где-то немыслимо высоко. С каждый днем я видел ее отчетливее, и все дольше длился миг, прежде чем видение исчезало. Так все же, – почему… Почему я так панически боюсь этих снов, – отрезка времени от полуночи и до первых лучей солнца, когда впадаю… Даже не в сон. И единственное, что помню, – как открываю утром глаза.

Пошатываясь, босиком шлепаю до ванной. Не знаю, чем мое тело занимается по ночам, а вот его крохотная часть, в объеме мочевого пузыря, не особо парясь проблемами бытия, исправно выполняет свою работу. Порой, даже слишком. Едва успел откинуть крышку унитаза, уже спокойнее, под мирно журчащий аккомпанемент, стою, в который раз удивляясь, как мало нужно человеку для счастья, пусть и сиюминутного. Может в этом и есть простая истина: вся человеческая жизнь, – стремление к покою, удовлетворение бесконечного числа потребностей. А получив желаемое, – ищем приключений на пятую точку, создаем проблемы, которые будем героически преодолевать.

Привалился к раковине, открыл ржавый кран, жадно пью отдающую хлоркой воду. Тяжело отдуваясь, поднимаю голову, с подбородка капает вода, щекочет шею, стекая на бурно вздымающуюся грудь. Из зеркала недружелюбно смотрит небритое лицо с резкими чертами, словно Бог, творя его, уже устал, и вырубал топором, на скорую руку. Только глаза… Они казались чужими на этом неказистом лице, более красивыми, живыми, словно не были его частью. Вот и сейчас, они напряженно вглядывались в незнакомые черты, мучительно морща лоб. В их зеленой глубине читался немой вопрос, – где они видели этого человека с другой стороны. Где… Или когда. Задаваясь одним и тем же вопросом каждое утро, начиная с событий двухлетней давности, когда вот так же очнулся, хватая ртом воздух, словно дышал впервые. Будто не очнулся, а родился в этом теле.

Сейчас из зеркала взирал парень лет семнадцати. Среднего роста, жилистое тело усеяно мелкими шрамами, широкие плечи поникли.

– Ну, здравствуй… Андри. – Память никак не отозвалась на имя, выданное с легкой руки наставника, чьим единственным комментарием было, – «не лучше и не хуже любого другого».

В одном я с ним согласен, – не лучше. Но каждому предмету требуется название, а одушевленные предметы привыкли наделять именами. Поэтому, – скрепя сердце, взял то, что дают. А затем, приходилось брать снова и снова, пока не сбился со счета. Все реже пытаясь узнать, кем я был, и все чаще задаваясь вопросом, – ЧЕМ я стал?

***

– Смотри, куда прешь, корова! – Брызжа слюной, орал плюгавенький старичок, в истертом спортивном костюме и стоптанных тапочках.

Худую спину украшало тоскливое нечто, напоминающее чебурашку, присевшего по нужде, в котором не всякий мог опознать олимпийского мишку. Костюм, некогда знавший лучшие времена, был ровесником косолапого. Что касаемо самого индивида, меня терзали смутные сомнения, не знавал ли он Ленина еще в вертикальном положении. Сморщенный, словно сушеное яблоко, он походил на скелет, обтянутый ради смеха кожей, жидкие остатки шевелюры в беспорядке, толстые очки в роговой оправе перетянуты лейкопластырем, сквозь иллюминаторы линз на мир злобно пялятся выцветшие глазки.

И смотрели они прямо на растерянную девочку, в легком летнем платьице. От внезапного толчка в спину, она уронила тонкий смартфон и теперь неловко пыталась вернуть батарею в распавшийся корпус. Тоненькие пальчики никак не могли соединить половинки. По мере роста попыток, девичьи глаза наполнялись влагой, вздернутый носик подозрительно шмыгал.

– Ты чего наделала слепошарая! – Между тем набирал обороты старикан. Чувствуя себя уязвленным, что какой-то «китайской хреновине» уделено больше внимания, он грубо схватил девушку за плечо, тянул, заставляя обернуться. – Чего зенками хлопаешь? Я из-за тебя убытки понес, понимаешь!?

Сухонькие ручки тянутся за целлофановым пакетом, который выронил, налетев на девушку. С трудом согнув спину, старикан подцепил узловатым пальцем ручку пакета, изнутри жалобно звякнуло. Край кулька кренится, из потемневшего угла капает мутная темная жидкость, с резким запахом спирта. Старческие ноздри затрепетали от праведного гнева, ловя утекающие запахи. Распахнув пакет, он трясущимися руками рылся в содержимом, не переставая охаивать несчастную. Словарному запасу дедули могли позавидовать извозчики всех времен и народов. Я впервые наблюдал, что такое – мат, возведенный до уровня искусства.

– …Чего молчишь!

– Да вы сами на меня налетели! – Едва не плача, девушка защелкнула пластиковый корпус, закусив губу, жала кнопку загрузки, бросая взгляды на потухший экран. Чуда не произошло. – Вы меня в спину толкнули!

– А какого *** ты стоишь там, где люди ходют! Кобыла неуклю… – Блеклые глазки распахнулись, нижняя губа задрожала, трясущаяся рука извлекла из пакета небольшой флакон темного стекла, с отбитым дном. С зазубренных осколков упало несколько капель, старик проводил их взглядом полным вселенской утраты и скорби. Размахивая получившейся «розочкой», он насел на испуганную девицу, требуя компенсации.

Людской поток вяло обтекал эту парочку, словно ударяясь о стену отчуждения.

«Скорее безразличия», – покачал я головой, стараясь не упускать из виду бодро семенящую короткую фигурку, что даже в жаркое летнее утро не сменила темный сюртук на более подходящую одежду, черные лаковые туфли бодро чеканят шаг на плавящемся асфальте.

Прохожие опускали глаза, отводили взгляд, а если бы руки не были заняты сумками, пакетами и телефонами, – еще бы и уши заткнули. С рождения нам дается огромный дар: видеть, слышать, чувствовать. И всю сознательную жизнь мы учимся не видеть, не слышать, и разучиться сочувствовать.

Как и я. Единственное отличие, – не успеваю вовремя отводить глаза. Но не потому, что такой весь из себя хороший и замечательный. Нет. Просто я моральный урод, и не боюсь, что в моих глазах увидят остатки человечности. Ведь именно эти остатки гнали меня вперед, заставляя ускорять шаг, чтобы угнаться за другим горбатым уродцем. Чтобы успеть.

– «Бегом поторопимся потеряем клиента». – Бросил скороговоркой Исра и умчался. Люблю, когда «дают» выбор!

Вот и сейчас. Прости девочка, но кому-то уже гораздо хуже, чем тебе. Или скоро станет. Или он сам так думает! Суть не важна. Важно, чем это может закончиться для него. Так что, на деликатные решения времени не осталось. Увы. До тех пор, пока в человеке теплится надежда, что придет добрый дядя со стороны и решит твои проблемы; или прилетит волшебник

в вертолете нетрадиционной ориентации, и завалит мороженной молочной продукцией, – он к берегу грести не будет. И утонет, – с удивленным выражением лица и затухающей надеждой в обиженных глазах, что уже вот-вот… Вот и проверим, много ли осталось в девушках от тех, что и хату спалят и пьяного коня сковородой упокоят. Осталось выбрать, за какую выпирающую из розового платьица часть тела «случайно» ухватится старичок.

Бегло брошенный взгляд и мое лицо перекосило так, будто с утра жрал одни лимоны, – какая еще сковорода!? С таким-то маникюром! Уже бы давно расцарапала дедуле лицо, да постучала своими шпильками дальше. Так нет же! Такая, – утопнет даже со спасательным кругом. Тут прынц нужон. Хотя бы и на белом себе.

Расстояние до сцепившейся парочки сокращалось, черный сюртук резко свернул на перекрестке, лакированные туфли исчезли, нырнув за угол административного здания. Ругнувшись, ускоряю ход, боясь потерять наставника из вида.

Так. Выбирай быстрее. Этот не подходит. И этот. И тот. Может?.. Нет. Мощный бугай, хоть и пожирает глазами ее голые коленки, но косит одним глазом, как идиот. А все потому, что умный, и следит за пухлой супругой. Точно, едва танк в бежевой юбке повернул башню в его сторону, – глаз быстро принял установленный курс, на лицо выплыла дежурная улыбка. Этот не вступится, – его гиппопотам и без сковородки кого хочешь пришибет. Прыщавый студент с охапкой бумаг? Или… Аааа, черт, на «или» – времени не осталось. Как говорится, – на безрыбье… Итак, один фигурант формулы принца на белом коне, обнаружен… А где же прынц?..

Поравнявшись со студентом, перехожу на бег, рывок, левая рука потяжелела, пальцы сжались на худом предплечье стальными клещами. Мчусь по диагонали, наперерез бугаю с супружницей, позади, ойкая, неловко перебирает ногами студентик, кремовые туфли едва касаются асфальта. Э-ээ-х, я не знаток боулинга, но чую, – будет страйк!

Последнее усилие. Левое плечо едва не вывернуло из сустава, в кулаке остался обрывок ткани. Мой «шар» по касательной влетает в жену, задевает мужа, отлетает, как мячик от бетонной стены, тараня несчастную девушку. Красавица, изящно взмахнув маникюром, влетает в свое чудовище, – «аленький» пакетик выскальзывает из старческих рук.

«Ой-йо», – уже ныряя за угол, вижу траекторию полета кулька.

– Ты совсем с катушек съехал пердун старый?!!

Голос догнал в спину, как гром среди ясного неба. Водитель, что стоял перед пешеходным переходом, зевая на красный циферблат светофора, поперхнулся, и внезапно вдавил педаль газа: выпученные глаза, вцепившиеся в руль побелевшие пальцы и вопли отпрянувших людей, машина, виляя по дороге, свернула в проулок и исчезла.

Гневные крики и гул клаксонов заглушила волна воплей сзади. И голос, похоже, только набирал обороты. Так ревет сирена, предупреждая об опасности, но в отличие от нее, истеричный крик не стихал ни на секунду.

– Что?! Молчать, когда я спрашиваю!!! – Голос перекрыл чьи-то сбивчивые булькающие звуки. – Сидеть! Лежать! Как перед дамой стоишь скотина!! Что говоришь, – не вижу!!!

Отыскав глазами Исру на моей стороне дороги, я чуть успокоился, – карлик рассеянно провожал взглядом спешащих людей, мерно постукивал ботинком в такт зеленому светофору, и переходить, явно не спешил. Дождавшись, когда загорелся красный, осторожно выглядываю из-за угла.

Йопрст… Благими делами, усеяна дорога… Качаю головой, наблюдая, как дородная женщина средних лет, будто тряпочкой, трясет зажатым в кулаке старым спортивным костюмом. Внутри костюма, отчаянно размахивая тоненькими ручками, болтался старичок, растерявший за последние полминуты весь боевой пыл. Судя по выпученным глазам, теперь он мечтал ощутить под ногами твердую почву: истертые тапочки валялись метрах в двух от него, босые ступни равномерно раскачивались в воздухе, навроде маятника. Причина гнева матроны была налицо.

Вернее, – на лице, на блузке, и особенно на светлой юбке, обильно окрашенной бурыми пятнами. Похоже, страйк таки выбил дедуля, попав пакетом в самую, что ни на есть, точку. Ну… или просто – попав.

Извини дед. Не знаю, насколько праведно ты вел себя при жизни, но скоро тебя встретят у райских ворот, уже в качестве великомученика.

Смахнув импровизированную слезу, поискал глазами девушку. Не нашел. Только ползающий на коленках студент, спешно собирал разлетевшиеся бумаги. Бугай замер посреди дороги: руки дрожат на уровне груди, пальцы полусогнуты, будто сжимают небольшие мячики. На широком лице глуповатая, но крайне счастливая улыбка, красные отметины на обеих щеках совсем не портили его настроение, причем одна отпечатавшаяся пятерня была раза в три больше.

Хм, кажется, я знаю, в чьи шаловливые руки прилетела девушка, ну или часть ее… Две части. И, судя по яростному взгляду супруги, причина истерии далеко не испачканная одежда, – парень явно обрел мечту.

А что касаемо мечты… Похоже, ей хватило мозгов смыться. Что тут скажешь, – жизнь открывает перед нами множество дверей, но лишь от нас зависит, будем стучаться в них, как дятлы, или все-таки войдем.

Не прекращая качать головой, отлипаю от угла дома, злая усмешка скривила губы, так и не затронув печальных глаз. Как предсказуемо. Меня видело, по меньшей мере, человек десять, но даже ухом никто не повел, не то, что кинуться в погоню. Сделали проще, – выбрали «козла отпущения». Конечно, проще бороться с последствиями, чем искать причину.

Улыбка слетела, стоило увидеть желтый мигающий и черный сюртук на другой стороне дороги. Замешкался, уже занеся ногу над бордюром, верчу головой по сторонам. Движение тут не самое активное, не центральная улица, справа машин не видно, слева – злосчастный угол. Между тем, Исра, будто чувствуя мою неуверенность, припустил бегом.

– Твою ж!..

Первую половину дороги я преодолел…

Визг тормозов. Толчок в бедро. Асфальт и небо часто сменяли друг друга в бешеном калейдоскопе. Приземлился, почти как кошка. Только на спину. Голова, едва заметно, почти нежно коснулась асфальта, но в черепе будто взорвалась маленькая бомба, утро сменилось ночью, в глазах вспыхнули звезды.

Через монотонный гул в ушах, начали проникать слабые звуки. Очень хотелось крикнуть сумасшедшему звонарю, что он перепутал мою голову с колоколом. Окружающее плыло и раскачивалось, как с перепоя. Сквозь серую пелену проступило ясное голубое небо, как из тумана выросли по обе стороны крыши домов, нависли толстые ветки, гнущиеся от собственной тяжести. Но, прежде чем я успел приподняться…

– Я все видел. Я все видел! – Раздался знакомый гнусавый голосок сбоку. – И могу дать показания под присягой!

– Что вы видели! Вы все свидетели… Он сам выскочил под колеса. Я – ни при чем! – Донеслось спереди. Голос явно нервничал, а еще он постоянно менял направление, словно источник носился из угла в угол. – Я не виноват. Я ехал на зеленый…

– Врешь!! – Рявкнуло под ухом так, что в черепе хрустнуло. Пощупав рукой ухо, удивился, что нет крови. – Ты летел на мигающий желтый!

– Он тоже… – Неуверенно начал человек.

– Ага!! – Раздалось победное. – Вы все слышали, – вот он и признался! Только что врал про зеленый, теперь мигающий желтый. А может ты вообще на красный летел?

По сторонам донесся нестройный гомон, общий смысл сводился к тому, что купят права, и законы им не писаны. Толстые пальцы бесцеремонно приподняли мою голову за волосы. Деревья качнулись, нехотя разошлись по сторонам, горизонт величаво вплыл в полосу зрения.

Впереди, чуть боком, стоит дорогая иномарка цвета металлик, передок помят, строгий серый костюм тройка тщетно пытается рукавом стереть вмятину, словно надеясь, что это грязь. Заламывая руки, он нежно гладил поврежденную окраску.

– Да ты лучше посмотри, что с парнем сотворил, гад. – Прошипело над ухом. – На нем же места живого нет! Не-еее-ет. Я вызываю скорую, – пусть снимут побои.

Костюм дернулся, затравленно огляделся. По обе стороны дороги нарастал недовольный гомон, сзади иномарку подпер завернувший автобус, водитель нетерпеливо давит клаксон. Только путь вперед еще свободен.

Какие побои, подумал я, щурясь не столько от боли, сколько от солнца, светившего прямо в глаза. Если сразу не умер, то тело регенерирует самое долгое в течение нескольких минут. И скорая обнаружит абсолютно здорового человека в помятой и слегка порванной одежде.

Но, прежде чем я успел открыть рот, горизонт уплыл, сменившись голубым небом, в глазах вновь вспыхнули звезды, а затем все это великолепие накрылось самым темным медным тазом. Последнее, что я еще почувствовал, – резкая боль. Хрустнула черепная коробка, под щекой горячо и влажно, тело непроизвольно дернуло ногой, пальцы на правой руке попытались выгнуться в обратную сторону. Грубые руки, что впечатали мою голову в асфальт, теперь бережно и нежно баюкали ее, гладя слипшиеся волосы.

– О-оооо-й! – Завывало над ухом. – И на кого ж ты на-аа-с! Весь же в крови. Посмотрите люююююю-ди-и-и-и-иииии…

Какая-то женщина запричитала, вторя отпеваниям Исры. Нетрезвый мужской бас, икая, предложил свернуть шею водителю. Басовитого поддержал веселый нестройный хор молодежи, надтреснутый старческий голос ввернул крепкое словцо.

– Бедный мальчик. Он же наверно только в институт пошел, а туда даже с мозгами берут только по блату! А куда ж он теперь без мозгов – то!? – Продолжал ломать комедию карлик. – А ты куда собрался говнюк! А ну, – убрал руки с руля!

Цепкие пальцы отпустили голову, напоследок приложив затылком об асфальт… еще раз. Наверно наставник этого не хотел, – просто перестарался с силой. А может и хотел… Так или иначе, ночь в голове сменилась нестерпимо ярким светом, а уже через мгновение я уныло взирал на свое распростертое тело со стороны.

Чертов наставник… Даже умерев, я продолжал ощущать боль, чувствовать сведенные судорогой руки, слепящее солнце, выжигающее глаза.

Каждую секунду боль нарастала. И когда она станет нестерпимой настолько, что я изойдусь в крике безмолвным ртом. Когда охрипну, оглохну от собственного беззвучного воя, – меня втянет обратно. «Плата за бессмертие», – так объяснял Исра. «Плата за невозможное». И добавил едва слышно, – что «даже это – лишь часть платы»… Не знаю, хочу ли я знать другую часть. И каждый раз сомневаюсь… хочу ли воскреснуть.

Но кого интересует мое мнение. Мысленно усмехаюсь, чувствуя тупую иглу, что все глубже вгрызается в голову, опускаясь ниже, словно боль нанизывает меня на вертел, – уже скоро…

– Ах ты, урод горбатый…! – На короткий миг изумление притупило боль.

Иномарка дернулась вперед, проехала с десять метров, лишь чудом не задавив мое распростертое тело, резко вильнула в сторону, заехав передними колесами на тротуар, – люди, крича, бросились в стороны. Впереди всех бежал воинственный обладатель пьяного баса, вереща на рекордно высоких нотах. Водитель иномарки тщетно пытался отлепить наставника, вцепившегося в руль мертвой хваткой, толстый зад торчит из окошка, молотя воздух короткими ножками.

– Пусти козлина, – я спешу!

– Так спешишь, что можешь ездить, как хочешь, и давить людей? – Несмотря на отчаянную борьбу, голос Исры был более чем спокоен и не дрожал, в отличие от водителя.

– С ним ничего не будет! Сам виноват. Молодой, – оклемается! – Он все еще надеялся вырвать руль из цепких колбасок, дергался, то и дело задевая ногой педаль газа. Зверь под капотом ревел на сотни лошадиных глоток, дергался, заставляя любопытных отбегать, кто-то спешно вытаскивал сотовый, пытаясь снимать с безопасного расстояния.

– А ну, убери камеру су***, – взвизгнул водитель, – выйду, ноги из жопы повыдергиваю!!

Девушка с испугу выронила телефон, корпус разлетелся… опять. На этот раз окончательно: длинные пальчики, с еще более длинным маникюром, утирали выступившие слезы, сгребая красочные осколки.

– У меня сделка, – бормотал водитель, борясь с карликом, словно уговаривая себя не сдаваться. – Контракт горит. Везу бумаги. Опоздаю, – все сорвется!

– И это стоит того? – Карлик взглянул водителю прямо в глаза, тот застыл, под давлением черных провалов. – Твой контракт. Он стоит чьей-то жизни? Мужчины… Женщины… Или твоей?..

– Да!! – Заверещал водитель, убирая руки с руля. Рванув бардачок, выудил тонкую папку в синем переплете, ткнул ею в нос карлику. – Я полгода горбатился на этот договор! Моя жизнь зависит от того, смогу я его подписать или нет!

– Уверен? Ты точно уверен, что только от него? – Холодно спросил Исра, еще больше вваливаясь в окно, крючковатый нос уперся водителю в лицо. – Он правда стоит спешки, аварии, чьего-то здоровья или жизни?

Водитель застонал, прожигаемый желтыми зрачками, папка выпала из ослабевшей руки. Эти глаза требовали ответа.

– да… Да!.. Да!!! – Завопил он. – Стоит! И знаешь, что?!

– Что? – Улыбаясь, спросил Исра.

– Если снова встанет выбор, – ждать или задавить пару-тройку неудачников… Я выберу последнее!

– Вот и хорошо. – Холодно усмехнулся Исра. – Твой контракт… заключен.

Контуры карлика поплыли, а когда изумленный мужчина протер глаза, тот уже стоял перед машиной, весело поигрывая связкой ключей на толстом пальце, двигатель обиженно молчал.

– Верни ключи тварь… – Серый костюм бросился к карлику, но тот неуловимым финтом ушел от протянутых рук, с издевательским смехом наворачивал круги вокруг машины. На очередном круге он сделал движение рукой, будто кидает ключи, водитель метнулся в сторону, а карлик, заржав, открыл дверцу и нырнул в салон. Серый костюм кинулся следом, но карлик уже вылезал с другой стороны, спешно запихивая что-то в сюртук, небрежно забросил связку ключей в открытую дверцу и отбежал, подавая водителю знаки продолжить забаву.

– … Да пошел ты, – Тяжело отдуваясь, водитель вытер трясущейся рукой пот со лба, не с первого раза сумел попасть ключами в зажигание. Услышав довольное урчание под капотом, он воровато огляделся и рванул с места, заставив прохожих орать и показывать вслед нецензурные знаки.

Иномарка вылетела на встречку, вильнула перед носом резко затормозившего «пирожка», влетела на тротуар, чиркнув низким дном по бордюру. Через секунду вывернула уже у «пирожка» за спиной, вырулила на свою полосу, глушитель победно взревел, выпуская искры и дым. Только черный след тормозного пути на дороге, да откуда-то издалека доносился рев мощного мотора.

– Вы запомнили номер? – Неуверенный женский голос снял оцепенение с толпы. Люди неуверенно озирались, кто-то подбирал оброненные вещи, некоторые пожимали плечами, но еще больше оказалось тех, кто молча ушел.

Прыщавый паренек радостно щерился во все тридцать два зуба, победно тряся смартфоном в бледной костлявой руке, воспаленные глаза с полопавшимися красными жилками напря-

женно следили, как растет индикатор загрузки. Высунув язык, он спешно набрал подпись, – «водила жжет, смотреть всем». Едва к нему двинулась тетка спросившая номер, – поспешно сунул смартфон в карман, развел руками, выпятив верхнюю губу и мотая головой на тонкой шейке.

Седенький старичок, в опрятном, хотя и поношенном костюме, неуверенно мялся, то порываясь подойти к телу на дороге, то возвращаясь на тротуар. Когда же убедился, кроме него такими проблемами никто не страдает, – буркнул под нос что-то вроде, – «приедут менты, а у них, кто рядом, тот и виноват, и»… Остаток фразы он деликатно прикрыл кашлем и, глядя исключительно под ноги, направился в сторону противоположную той, куда собирался вначале.

Водитель автобуса, матерясь вполголоса, высунулся из окошка, осторожно объезжая «препятствие», из салона неслись подбадривающие выкрики, предложения давить, да двигать скорее, – все опаздывают. Часть пассажиров честно пыталась выполнить гражданский долг. Один даже дождался ответа из полиции, но при словах автоответчика, – «будьте готовы назвать свои имя и фамилию», резко сбросил, воровато огляделся, выключил питание телефона, а еще пару секунд спустя расковырял корпус, вытащил батарею и зачем-то положил в карман. Помявшись с осиротевшим корпусом, вытащил обе сим карты, утер со лба выступивший холодный пот, и выдохнул с явным облегчением.

Толпа разбрелась по своим нуждам, новые волны прохожих бросали на дорогу скупые сочувствующие взгляды. Находились и те, кто раздраженно цедил сквозь зубы – «допился», лишь мимоходом бросая короткий взгляд и тут же прикипая к мерцающему экрану навороченного гаджета, где шла «настоящая» жизнь. А прочитав свежий пост, про сбитого молодого парня, качали головой, и ставили лайк под предложением «оторвать водило яйки».

Мир внезапно завертелся, закружил в дьявольском хороводе, раскрасив горизонт всеми оттенками боли. Тело вздрогнуло, дернулись закостеневшие пальцы и… Меня выкинуло. Пытаюсь вздохнуть, но нечем. Что я представляю собой вне тела? Чем я смотрю на него стороны? В ушах зашумело, невидимый желудок рванулся вверх, словно я падал, а не втягивался обратно. Шаг за шагом, клетка за клеткой, отвоевывая свой организм. Чувствуя, как вытесняю изнутри тягучее, липкое нечто, нехотя втягивающее холодные щупальца. Тьма, медленно покидающая каждую частичку тела, озаренную нестерпимой болью. Словно величайшее откровение жизни – в способности чувствовать… Чувствовать боль.

Танец на краю пропасти. Танго со смертью. Миг, растянутый страданием на целую вечность. Тело мелко дрожит, пронзаемое тысячами незримых иголок, мозг пылает, не в силах обработать сигналы вопящих нервов. А когда стало казаться, что весь мир сплошная зияющая рана, – пришла БОЛЬ…

… – вот так всегда. Насорят, намусорят, а убирать кому?

Правая рука неестественно вывернута, за нее дергают и тащат, голова безвольно раскачивается в такт рывкам, спину царапает горячий асфальт.

– Проходим милые дамы, проходим. Не акцентируем. Нет. Человечек не мертвый. Просто устал. Да. Если можно мертвецки упиться, то почему нельзя устать?

Беспокойные восклицания остались позади, в плечо уперлось препятствие. За кисть нетерпеливо дернули, словно гигантская рыба пробовала наживку, едва не оторвав руку. Спереди заворчало, протопали маленькие ножки, казалось, будто стальные тиски сдавили плечи и трясут моим телом, как марионеткой. Сквозь мутное марево выплыла нечеткая физиономия наставника, черные провалы внимательно всматриваются в лицо, крепкие руки несколько раз возвращали шатающееся тело в вертикальное положение, не дав растянуться на гранитных ступенях. Солнце прожигает слезящиеся глаза, бросает зайчики от зеркальных дверей. Убедившись, что кое-как стою на ногах, карлик уверенно потянул меня внутрь, зеркальные дверцы распахнулись, звякнул невидимый колокольчик, из проема потянуло прохладой и свежей выпечкой.

Я четко сделал пару шагов, отстранил руку наставника, будучи уверен, – могу идти сам. Но, едва твердые пальцы отпустили локоть, туловище дало опасный крен, по инерции прошлепал пару шагов, и с удивлением обнаружил, что голова намного обогнала ноги и отрыв растет… Под ноги ткнулось что-то твердое, хрустнуло, будто сухую ветку сломали, а я перешел в свободный, но короткий полет. Снова хруст, звон бьющейся посуды, состыковавшись лбом с деревянной перегородкой, я, наконец, мирно растянулся на обломках стула. Вместо ожидаемых звездочек в глазах плясали птички, смутными тенями порхали над головой, доносилось беспокойное щебетание. Спустя пару мгновений я начал различать отдельные фразы, птички неплохо чирикали по-русски.

– Чашечка горячего кофе, и он будет как новенький. – Поспешил успокоить «пернатых» Исра. Сверху донеслись охи и ахи, девицы в черно-белых фартучках размахивали изящными ручками, будто взлетали, обеспокоенно щебетали, как стайка воробьев.

– Можно без сахара. И без кофе. – Добавил Исра, наклонившись к лежавшему на полу подносу, где чудом устоял исходящий паром пластиковый стаканчик. Несшая его девица, замерла в той позе, в которой ее застал мой полет: руки вытянуты вперед, глаза на пол-лица, пол левым веком дергается одинокая жилка. – А, уже положили? Ничего страшного, терапевтический эффект хуже не станет. Отмывать сложнее… – Едва слышно добавил он. И уже громче, обращаясь к обширной аудитории:

– Ничто с утра не бодрит лучше, чем чашка горячего… крепкого кофе… – Ехидная улыбка расцвела на широком лице, пухлые пальчики лихо опрокинули стакан.

– Твоююю маааа-ть!

Официантки прыснули в разные стороны, я вскочил, хромая и неуклюже пытаясь содрать штанину с ошпаренной ноги.

– За что я люблю обтягивающие джинсы… – Промурлыкал Исра, с ехидной ухмылкой наблюдая, как бросив попытки оттянуть ткань от кожи, пытаюсь деревянными пальцами справиться с ремнем.

– Вот за что! – Победно ткнул толстый палец. Глаза девушек снова округлились, но уже по другой причине.

В спущенных штанах стояло двое. Первый – я, а вот второй… Один из процессов воскрешения, – кровь устремляется куда надо, и куда не очень. И частенько случается побочный эффект, совсем крохотный на фоне общего отходняка. Хотя… Судя по выпученным глазам, – не такой уж и крохотный. Скосив вниз глаза, я нервно сглотнул, избегая прямых взглядов, рванул в направлении уборной, спотыкаясь о сползающие штаны.

Мимо проплыл столик со сладкой парочкой. Крупный мужчина, черная футболка едва сходится на широченных плечах, спина вздулась рельефными буграми, натянув ткань до треска, выпуклые пластины груди гордо смотрят вперед. Сидит не в очень удобной позе, зато видны кубики пресса. Все напоказ. Очевидно, ради груди четвертого размера, напротив.

Подведенные глаза обладательницы четвертого размера мимолетно мазнули по моей дерганой фигуре, длиннющие ресницы затрепетали, словно крылья диковинной бабочки. Затем, взгляд с громким щелчком сфокусировался на уровне пояса, глаза проворачивались вслед за мной, как система автоматического наведения. Зрачки превратились в крохотные точки, едва заметные на фоне громадных глаз и распахнутого ротика, – я в очередной раз уронил штаны, снять было проще, чем натягивать на ходу. Да еще и молния разъезжалась, не в силах вместить мое раздутое эго.

Тренированная скала из мышц и самомнения, потеряв зрительный контакт спутницы, недоуменно обернула бритую голову, в глазах еще тлели угли презрения ко всем и вся, кто не жмет от груди двести кэгэ…

Угли как ветром сдуло.

Я, будто извиняясь, пожал плечами. Неловко улыбаясь осторожно просеменил мимо качка, ставшего заметно ниже. С него будто воздух выпустили: широкие плечи обвисли, грудь втянулась, а среди квадратиков пресса проклюнулся небольшой животик. Злые глазки мазнули по распахнутому ротику подружки, стыдливо убежали в сторону, вернулись, медленно наливаясь красным, в то время как кровь отлила от смертельно бледного лица, огромные кулачищи сжались до скрипа.

Я поспешно двинул дальше, невольно горбился, чувствуя между лопаток острый взгляд. Заветная дверь была на расстоянии протянутой руки, когда позади раздалось надсадное дыхание, скрипнул отодвигаемый стул.

Качок стоял, глядя исподлобья, как я неловко дергаю ручку, пытаясь открыть дверь не туда. Наконец, он решительно кивнул, сделал шаг в мою сторону, невольно сглатываю, – таким бы взглядом да камни дробить. Второй его шаг должен был стать не менее угрожающим и эффектным, но…

По залу пронесся трубный рев. Качок резко сел, втянув голову в плечи, медленно обернулся, крохотные поначалу глазки теперь едва умещались на бледном лице.

Исра, аккуратно сложил носовой платок, внимательно осмотрел результат, скептически хмыкнул, шмыгнул пару раз, с подвыванием зевнул, плямкая толстыми губами. Слезящиеся глаза вычленили замершего качка, пробежались по притихшему залу, напряженным лицам, кустистые брови удивленно взлетели вверх, словно что-то не так. Пухлая ладошка смачно впечаталась в лоб, взорвав повисшую тишину. За барной стойкой синхронно звякнули бутылки, посетители вздрогнули и вышли из оцепенения, разом уткнулись в тарелки, зал наполнился дружным чавканьем. Официантки вспомнили, что они-таки на работе, забегали между столиками. У качка громко клацнули зубы, задергался правый глаз.

– Савва! Я таки говорил, бордель кварталом выше! А ты заладил, – у меня де встроенный нафигатор, иду на запах. Говорил тебе, – ентимный процесс требует основательной подготовки. А ты, – всех девок разберут, скидывай скорее штанцы и уперед! Тьфу!

Карлик закатил глаза, демонстрируя вселенскую тоску и печаль, уронил голову на грудь, правая рука откинулась назад, едва не сбив официантку с тяжелым подносом. Зазвенела посуда, девушка напряглась, удерживая пизанскую башню из десятка грязных тарелок. Пухлая ладошка хлопала по фартучку, на ощупь, исследуя возникшее препятствие, толстые пальчики по очереди нащупали две округлости, что бурно и яростно вздымались под тонкой тканью. С неловким «упс», карлик резко обернулся, невинно затрепыхал густыми ресницами, под испепеляющим взглядом. Словно извиняясь, он запустил руку под раскачивающийся поднос, приняв часть веса на кисть, юркие пальцы, уткнулись в черный фартучек, аккурат под бурно вздымающимися холмами.

– И что в итоге! – Карлик резко вскинул свободную руку, привлекая внимание девичьих глаз, лучезарная улыбка едва не развалила широкое лицо надвое. – Он пытался стянуть штаны в свадебном салоне… похоронном бюро… А школа, Савва?!.

Брошенный карликом взгляд спалил, как я, справившись с коварной дверной ручкой, пытаюсь незаметно скользнуть внутрь. Качок снова подал признаки жизни, проявляя прямотаки нездоровый интерес к моей персоне.

– Этот позор будет преследовать меня всю жизнь! Стоило на минуту отойти попи… Хмм… водички попить. И что такого ты успел показать той страшной директрисе? У меня так и стоит перед глазами, как она бродит по коридору с глупой улыбкой, ловит встречных учителей, показывая руками, будто вот такенную рыбу поймала, хихикая словно идиотка. И во имя всех святых, скажи мне, где… а главное, при каких обстоятельствах ты потерял трусы!

Беря штурмом порожек из одной ступеньки, я умудрился споткнуться, вписаться в дверь плечом и треснуться головой о низкий проем, перед глазами заплясали веселые звездочки.

***

Дверь туалета, наконец, захлопнулась, напряженное лицо качка нехотя оторвалось от замершей ручки, угрюмый взгляд перебежал к Исре, ноги сделали осторожный шажок в сторону уборной, затем еще. И еще…

Задумчиво постукивая по губам большим пальцем левой руки, Исра рассеянно перебирал пальцами правой, будто большой мохнатый паук, поднимаясь по фартуку, пуговица за пуговицей, поднос медленно пошел вверх, башня из тарелок дала опасный крен.

– В похоронке вроде на тебе еще было исподнее… Да? – Не дождавшись ответа, он обернулся, успел рассмотреть накачанный затылок и запертую дверь, расстроенно обратился к официантке. – Куды он опять делся?

Девушка, что уже открыла хорошенький ротик, собираясь осадить карлика, подавилась заготовкой, застыла под его обиженным вопрошающим взглядом. Качок преодолел путь до заветной двери, сопел, дергая ручку. Гора мускулов вздрогнула, когда сзади раздался язвительный голос:

– Молодой человек, если у вас дело к известному заведению, то заявляю вполне авторитетно, – там занято. Хотя, если вы решили помочь моему бедному другу…

– В чем помочь?

Занесенный для могучего удара кулак застыл в сантиметре от двери, злые глазки подозрительно сверлят безмятежного карлика, что продолжал одной рукой поддерживать ходивший ходуном поднос. Хотя, часть окружающих, совершенно неоправданно, могла заявить, что именно его же рука и являлась причиной этих колебаний. На что сам карлик мог бы так же откровенно ответить, – это все брехня и злые домыслы, а виновата официантка. Именно ее отчаянные попытки сбросить ладошку карлика с груди, заставляли руку дергаться и толкать поднос. И рука в данном процессе была лишь следствием.

– Ему доктор запретил поднимать тяжести… – Сложив ладонь лодочкой у рта, прошептал Исра, так тихо, что навострила ушки даже глухая старушка в другом конце зала. Посетители… Ну или та их часть, что делала вид, будто заняты едой, теперь откровенно таращились на качка, тот нервно повел могучими плечами, попытался еще сильнее распрямить спину и выпятить внушительнее грудь. – Но с вашей-то комплекцией!

Качок напряг мускулатуру, демонстрируя огромный бицепс, мышцы, подобно сытым змеям, вспучились по всему телу, одежда трещала, едва не лопаясь. Бычья шея напряглась, растягивая толстую, но короткую золотую цепь, крохотный крестик выпорхнул из-за ворота футболки, безвольно повис. Последним усилием попытался напрячь голову, – крохотная жилка тряслась на взмокшем лбу, неуверенно пытаясь собраться в складку. Исра вежливо подождал, наблюдая, за сменяющими друг – друга гримасами, – лицо качка налилось дурной кровью, но узкий лоб остался девственно чист.

– Кхммм… – Кашлянул Исра в кулак, тщательно скрывая улыбку. – В общем, если поднатужитесь, то вдвоем может и поднимите его… хммм… Ну, вы понимаете…

– Чего сказал! – Маленькие глазки спрятались под надбровными дугами, злобно сверкали оттуда, как жерла пулеметов из дзота, пальцы угрожающе сжались в пудовые кулаки.

– Ну… Поднять. – Пошевелил пальцами в воздухе Исра, подбирая сравнение. – Глагол такой… описывающий действие. Ну, вот навроде, как вы бицепс качаете, только держа обеими руками, от уровня колен и до пояса.

Крохотная морщинка все-таки пролегла. Лицо стало черным от дурной крови, губы тряслись, когда он, заикаясь, проорал:

– Ты за кого меня держишь, сука! Я тебе не гомик какой-нибудь, не… Да не буду я ему хозяйство поднимать!

– Вообще-то, я имел в виду штаны. – Сконфуженно пробормотал Исра, обводя взглядом посетителей кафе.

Из дальнего угла донесся одинокий нервный смешок, и плотину прорвало, – со всех сторон сыпались смех, сдерживаемые улыбки, косые взгляды кололи накачанную спину, гигант вертелся, словно уж на сковородке.

– Они у него постоянно спадают. Но, если вы туда так рветесь ради его… Кхе-кхе…

Карлик прочистил горло, утер выступившие слезы, несколько раз глубоко вздохнул, собираясь с силами, и честно постарался придать лицу более-менее серьезное выражение. Скорее менее.

– Право же, тем более странно, ведь вы пришли с такой красавицей. – Слишком серьезно произнес карлик, щерясь мгновенно преобразившейся блондинке.

Оказавшись, наконец, в центре внимания, она сменила отрешенно скучающий взгляд, на более подобающий для светской львицы, томно потянулась, едва не рухнув со стула.

– Или вы, – ее лучшая «подружка». – Карлик округлил глаза и прижал ладошки к губам. – И у вас спорный интерес к моему товарищу? Я надеюсь, вы хоть не подеретесь из-за него!

– Да! Нет!! Все не так было!!!

На качка было жалко смотреть. Гора мускулов обернулась к подруге за помощью, но та, бросив на поникшую фигуру беглый взгляд, брезгливо отвернулась, передернув плечиками, уткнулась в мерцающий экран телефона.

– Люся, да я вовсе не то хотел… Ты сама смотрела на его…

– Вот только не надо меня впутывать в этот бред. – Выставила ладошку блондинка, не переставая тыкать пальцем в экран. Пухлые губки выдули розовый пузырь, белые зубки раскусили, не дав лопнуть, челюсти пришли в яростное движение, вымещая злость на жвачке. – Даже если и взглянула, не бросилась следом, проверять… И что ты хотел доказать там внутри?

– Что я мужик. – Громко, но как-то не уверенно пробормотал он.

– Ночью надо было доказывать. – Окрысилась блондинка.

– Люся, ну я же тебе говорил, – добавки пробую новые… Побочный эффект. Зато мышечная масса растет в разы быстрее…

– Жаль, что больше ничего не растет. – Перебила блондинка, отбросив телефон, заглянула в пустую чашку, скривилась. Все посетители, карлик, и даже затисканная им официантка дружно водили глазами от двери к столику, словно наблюдая за теннисным матчем. – Тебе мало того, что есть? Ты с шестнадцати лет качался, чтобы кадрить девчонок, – и от них отбоя не было. Я уже год тебе скандалов не устраиваю, и знаешь почему?

Гора неуверенно вертит головой, пожимает могучими плечами.

– Ну, мы типа – любим друг – друга. Нет? Или нет, – доверяем…

– Да потому что единственное, на что ты еще влезаешь, – это твои долбанные тренажеры!!

Бокалы в баре жалобно звякнули. Под ухмылками приободрившихся мужчин, качок исходил потом, вертелся, бросая умоляющие взгляды на спутницу.

Веселый лысый толстячок за четвертым столиком, гордо выпятил верхнюю часть туловища, показывая, что у мужчины, все, что выше колен – это грудь. К нему льнула жерделодобная супруга, даже сидя, возвышавшаяся над мужем на целую голову. Поверх головы супруга она бросала победные взгляды на ослепительную блондинку, поглаживая заметно округлившийся живот, и кивая на сидевших напротив троих детей разногодок. Настал черед блондинки вертеться, нервно накручивая локон на длинный палец с идеальным маникюром.

– Да он не мужик, Люся. – Едва не плача промычал качок. – Я ж его двумя пальцами, как соплю перешибу…

– Стоп, стоп. – Влез карлик. – Если я все правильно понял, то вы, пошли за моим другом, с целью доказать своей девушке на нем, что вы – мужик? – Утвердительный кивок. Карлик, перевел недоуменный взгляд на блондинку, с удовольствием прошелся по стройным длинным

ножкам в сетчатых колготках, нырнул за глубокий вырез. – На другом мужике доказывать… не на девушке. Хмм. То есть, у вас больше шансов стать мужиком с другим мужиком, чем с собственной девушкой. А он точно натурал?

Вопрос адресовался блондинке, но прежде, чем та успела открыть хорошенький ротик, качок, с яростным воплем, – «Убью, падла!» – ринулся на карлика.

– Внимание, – спойлер. – Подмигнул Исра, щелкнув пальцами.

Зал на мгновение заволокло легкой дымкой, а затем…

Дико заверещала официантка, с размаху залепив качку пощечину. Тот стоял с невероятно тупым выражением лица, покачиваясь под градом ударов, удивленно глядя на огромные ручищи, что вроде как ухватили наглого карлика…

Блондинка с трудом оторвала руки бойфренда от груди официантки, не забывая осыпать его тумаками и отборнейшей бранью.

Карлик невозмутимо сидел за их столиком, весело болтал ногами, потягивая диетическую колу через соломинку. Черные глаза лениво следили, как из подсобки выбежал грузчик Гриша, одним небрежным взмахом отправил в нокдаун и шкафоподобного качка, и тройку других посетителей мужского рода, пытавшихся разнять клубок раздора.

У Гриши был объемный пивной живот, кривые ноги, могучие длинные руки, врожденный такт и чувство локтя. Именно «с локтя» он тактично успокоил всю четверку, лишь по причине пролетарского невежества, не уделив должного внимания воплям качка о черном поясе, десантуре, десятом дане… И, стоило тому очутиться на полу, – о забытом на плите чайнике, не выключенном утюге, и больной бабушке, которая без него не может обойтись. Уже перед выходом, качок, двигающийся, аки гордый лев, на четвереньках, буркнул, – мол, им повезло, что он так спешит, а то бы он им показал… Что именно бы показал, осталось загадкой, ибо сей орел, выпучив глаза и щелкая клювом, вылетел через зеркальные створки от дружественного пинка Гришиного берца в накачанный зад.

– Первая ступень. Вторая ступень. Третья! – Радостно прокомментировал карлик перемещение накачанного копчика по порожку. – Пять секунд, – полет нормальный!

– Милый!! – Обогнув Гришу, следом выпорхнула блондинка.

– Балласт сброшен. – Хмыкнул Исра, потирая подбородок.

Золотые зрачки довольно созерцали недавнее поле битвы. Хотя, собственно, все интересное закончилось, только траншея из опрокинутых столов и стульев отмечала фарватер ледокола по имени Гриша. Женщины разбирали поверженных супругов, возникла короткая перебранка, – кто-то, под шумок, попытался стащить чужого, причем при полном согласии с его стороны.

Скрип несмазанных петель потонул в общей суматохе, – никто не обратил внимания на вынырнувшего из дверей парня. С мокрых волос стекает вода, влажная рубашка облепила широкие жилистые плечи, лицо красное, но без малейших следов крови на хмурой физиономии. Зеленые глаза удивленно обвели развороченный зал.

– Кажется, я что-то пропустил…

Глава 2.2. Один день из не жизни, не человека… «Равноценный обмен»

Удивленное выражение лица, как водой смыло, стоило взгляду упасть на горбатую фигуру за столиком, весело болтавшую коротенькими ножками в сантиметрах от пола.

В центре зала, среди осколков битой посуды, наворачивает бесполезные круги официантка, пустой поднос раскачивается в опущенной руке. Широко распахнутые глаза горят, высокая грудь яростно вздымается под съехавшим набок фартучком. Тонкие пальчики дернулись прикрыть распахнувшийся ворот, к безмерному разочарованию карлика. После короткой борьбы, нащупав вместо пуговиц огрызки ниток, раздраженно отдергивает руку, пальцы нервно теребят узкий поясок. Довольная улыбка карлика растет, – две спелые дыньки натянули лиф, последний крючок едва держится. Улыбка наставника выросла до опасных размеров, невольно задался вопросом, а если крючок не выдержит, – треснет ли широкое личико пополам?

Глаза официантки обескуражено метались от ползающих посетителей до тех счастливчиков, чей упитанный или не очень, тыл, уже мелькал за распахнутыми дверями кафе. Помимо двух официанток, укрывшихся за барной стойкой, посреди зала невозмутимо ковырялся вилкой в зубах утес Гриша.

Три дамы бальзаковского возраста никак не могли поделить двух мужчин, один из которых, вращая испуганными глазами за очочками в золотой оправе, что-то блеял, тщетно пытаясь вырваться из цепких пальцев, сразу двух заявивших на него права, дам. Жалкие оправдания, что он, – не женат, пацифист, буддист, фашист, гей, – вдовец, в конце-то концов! Привели к тому, что третья дама, бросив попытки поднять законного, но безвольного мужа, с отчаянным воплем, – «Милый, я тоже вдова!», – отрезала бедняге последний путь к отступлению.

Пока я бочком протискивался к дверям, официантка среагировала на движение и бодро ринулась навстречу. Распиравший ее внутренний огонь, требовал выхода, грозя разорвать на части.

– О, это губительное и всепоглощающее пламя, – тихо захихикал Исра, глядя, как его подопечному отрезают путь. – Для которого, увы, не подходит никто, из находившихся здесь, а жаль… – Провожая взглядом проплывающие мимо стройные ножки, карлик вздохнул, жалобно скривив физиономию. – Так не доставайся ж ты, – никем! Внимание, – обещанный спойлер.

– Тут такое было! Тут такое было!

Запричитала официантка, схватив меня за рукав, забытый поднос валяется на полу, острые каблуки безжалостно мнут пластиковое лоно. Фартучек пошел вверх, набирая больше воздуха, ткань предательски трещит… Стальной крючок со звоном отлетел в витрину, выпустив на волю два белоснежных мячика, розовые ореолы натянули край лифчика, запутавшись в черных кружевах, но ей уже было не до мелочей: хорошенький ротик приоткрылся, чтобы выпалить…

– Ты ушел. Качок за тобой, – доказать, что он мужик, но оказался и не мужик, а так, в опе – вжик. Его герла обвинила, что ты ему симпатичней, и вообще он по мужикам. А он, как давай доказывать обратное, – Машку за ляшку, Гришку за стрижку. Получил от первой по морде, от второго под зад. В это время начался мордо-бой, но участников быстро разняли их мордо-герлы. Вот! – Радостно протараторил наставник, прыгая на стуле.

Официанта мелко задрожала, красивое лицо исказила судорога, пошло красными пятнами. Невольно отступаю на пару шагов, крепко зажмуриваюсь, одним глазком подглядывая, как разъяренная фурия медленно поворачивается к Исре.

– Я влюблен… – Занявшие пол-лица глаза наставника приятно контрастировали со сладострастной идиотской улыбкой. – В этих близняшек.

Короткие ручки тянутся вперед, пальцы сжимаются, будто уже мнут нежнейшую плоть, толстые губы сложились трубочкой, как для поцелуя. И все это время он совершенно игнорировал, как испепеляющий взгляд, так и нацеленные в его сторону когти.

Пару мгновений девушка прожигала взглядом плешивую лысину, отвисшую челюсть с высунутым розовым языком, – с толстых губ капает тягучая слюна. Провела жирный вектор между глазами карлика и… Взвизгнув, будто кошка, которой дверью хвост прищемили, она яростно запахнулась, топнула ножкой так, что подлетели осколки посуды на полу и, пыхтя, словно паровоз, скрылась в кладовке, грохнув напоследок дверью.

Карлик проводил ее, опустив голову и прикрыв глаза, пухлая ручка скорбно прижата к груди, в уголке глаз блестит скупая мужская слеза.

– Не так я вас любил, как вы кричали… – Подвел он скорбный итог.

Всплеснув короткими ручками, карлик уныло поплелся в направлении выхода, руки стиснуты за спиной в замок, глубокая морщина пересекла лоб, тяжелые каблуки с хрустом давят уцелевшую посуду.

Гриша открыл рот, но, попав в перекрестье золотых зрачков, вытянулся в струнку, схватил с барной стойки несколько фужеров и суетливо выложил дорожку до самого выхода. Выскочив на улицу, придержал распахнутую дверцу огромной ручищей, пустые глаза напряженно пялятся на яркое солнце, стальная ручка дрожит во взмокших пальцах.

Карлик прохрустел еще несколько стеклянных нот. Проходя мимо вцепившегося в батарею новоиспеченного «вдовца», легонько взялся за побелевшую от усилий кисть, четыре пары глаз со смесью испуга и надежды уставились на его задумчивую физиономию.

– Время, – лечит… – Вздохнул Исра, расстегивая ремешок изящных золотых часов.

Под изумленными взглядами карлик деловито примерил Роликс, приложил ухо к циферблату, довольно поцокал языком и невозмутимо прошлепал к выходу, раздавив еще пару бокалов. Очкарик, едва не выдавил линзы выпученными глазами, взгляд затравленно метался от вцепившихся в него женщин к удаляющейся спине в черном сюртуке. Гриша подобострастно вытянулся в струнку, карлик протопал мимо, не удостоив его взглядом, зеркальные дверцы медленно пошли навстречу.

– Верниииии!!!

Очкарик рванулся за карликом, но стоило оторвать руку от спасительной батареи, как он оказался распят в путах шестирукой, трехголовой массы, рвущей серый деловой костюм острым маникюром. Из глубины зала доносились удаляющиеся мольбы, обещания и даже попытки подкупа. Отчаянный скрежет ногтей и восемь борозд на полу, перед хлопнувшей дверью в подсобку, как доказательство, что он не сдался без боя.

– Но беспощадно к тем, кто его оценивает. – Карлик запрокинул голову, щурясь под горячими лучами солнца, легкая улыбка скользнула по губам. – Разучившись ценить.

Распахнув сюртук, он выудил из внутреннего кармана толстую сигару, крылья носа затрепетали, вбирая терпкий аромат, выдохнул, довольно кивнул. Откусив кончик сигары, поискал глазами урну. Не нашел. Черные провалы уставились на исходившего потом Гришу, тот услужливо протянул широченную ладонь. Карлик сплюнул, зажал кончик сигары в зубах, чуть наклонился, прикуривая от указательного пальца. Облачко ароматного дыма окутало квадратную голову, карлик попыхивал сигарой, меланхолично наблюдал, как стремительно удаляются Гришины берцы.

Исра хмыкнул, пожал плечами, выдохнул три дымных кольца разных размеров, вставив одно в другое, беззвучно двигал губами, умащивая сигару в зубах. Поднеся трофей к глазам, внимательно следил за секундной стрелкой.

– Три… Два… Один…

Лакированный ботинок уперся в створку зеркальных дверей, ногу слегка дернуло, из-за дверей донесся смачный стук. Карлик, как ни в чем не бывало, сместился на шажок в сторону, глаза невинно рассматривают птичек, левая ножка ковыряет носком асфальт.

Золотые глаза невинно заморгали, на грохнувшую об стену створку двери, стекло жалобно задребезжало, но не разбилось.

Увидев довольную физиономию наставника, проглотил вертевшееся на языке ругательство, желтые глаза уставились на мой лоб, там быстро наливается розовая шишка. Молча обошел его и прислонился к витрине, наблюдая за кружащими облачками дыма.

Исра искоса взглянул в мою сторону, вертикальная складка пролегла меж густых бровей, правая рука задумчиво скребет небритый подбородок. Внезапно широкое лицо посветлело, похлопав по карманам, выудил сигару, протянул мне. Подождал пару секунд, пожал плечами, сигара исчезла, а ее место занял выуженный из закромов сникерс. На лице наставника отражалась мучительная борьба, он еще несколько раз охлопал все карманы, извлек целый ворох разноцветных оберток, разжал кулак, провожая взглядом кружащиеся в воздухе фантики. Вздохнув, переломил батончик пополам, взвесил результат на ладони, что полегче, – протянул мне.

Раздалось дружное чавканье, мимо неслись машины, люди спешили по важным делам. Кажется, мы тоже куда-то неслись сломя голову, или мне это показалось? Карлик неспешно жевал, прикрыв веки от яркого солнца, выковыривал из зубов застрявший арахис, и начинать разговор первым не собирался.

– Ну и зачем?

Карлик раздраженно дернул ухом, но жевать не перестал, глаз тем более не открыл.

– Зачем, я спрашиваю.

Пожевав губами, карлик буркнул неразборчиво, сплюнул и протянул пухлую ручку ладонью вверх, нетерпеливо поманив пальцами.

– Не нравится, – верни сникерс на базу, мне больше достанется.

Я посмотрел на грубую, шершавую кожу ладони, на прикрытые глаза наставника, не веря в подобную удачу. Ждать шоколадку с другой стороны, – долго. Два пальца в рот? Не то, чтобы прямо очень противно, но достаточно долго, да и точность пострадает. Выискав в пересохшем рту всю слюну, что удалось наскрести, на всякий случай приготовился воскресать…

– … Да кто ж тебя такому-то научил! – Вытирая руку о чахлую травку на засохшем газоне карлик, ругался в полголоса, не прекращая бросать обвиняющие взгляды. – Мерзость…

Брезгливо сдувая прилипшие травинки, он удивленно рассматривал ставшую еще более коричневой ладонь. Поднес к лицу, шумно втянул ноздрями воздух, глаза расширились, широкие плечи передернулись, он с ужасом взирал на отставленную подальше руку. Хм, судя по исказившейся физиономии, это не шоколад. Желтые глаза косили в мою сторону, карлик недоверчиво покачал головой, снова поднес ладонь, отшатнулся в еще большем ужасе. Крутясь на месте, он словно выбирал, куда бы выбросить руку. Напряженный взгляд случайно упал на пучеглазого крыса мутанта, – коих ошибочно причисляют к собакам.

Микро шнауцер замер в напряженной позе, с задумчивым выражением на мордочке, и без того выпученные глазки, казалось, вылезут из орбит. Мне стало почти жаль наставника, в этот момент он сам походил на это мелкое недоразумение природы, особенно выпученными глазами. Разница заключалась в том, что по мере того, как «ацкий тузек» облегченно тявкал и загребал лапами небольшой нерукотворный холмик, – его глаза становились все меньше, а вот глаза карлика росли и наливались дурной кровью.

– Идем Тоби.

С грацией и непринужденностью айсберга в наше поле зрения вплыла хозяйка мелкого недоразумения. Сказать, что она отбрасывала тень, – это слабо сказано, подол широкого бесформенного платья наводил на мысль о чехле для дирижаблей. Поля широкой соломенной

шляпки едва прикрывали оплывшие плечи, на которых покоился небольшой бочонок, исполнявший роль головы. Крохотные глазки смотрят на мир с плохо скрываемой злобой и раздражением. Две квадратные тумбы переступили, «дирижабль» нетерпеливо дернул за поводок. Тоби полузадушено тявкнул, безвольно повис в ошейнике, задние лапы волочатся, едва касаясь земли. «Айсберг» медленно разворачивался, выбирая курс дрейфа. На широкой спине возникла волна, ушла вниз, срикошетила обратно, – казалось, будто ползет гигантская улитка.

– Ничего не забыли? – Елейно сладким голосом вопросил Исра, я невольно отошел на пару шагов. «Улитка» не повела даже ухом, продолжая конвульсировать вперед. – Эй ты, мамонт в юбке, я к тебе обращаюсь!

Тучка закрыла солнце, я узрел, как гора могла прийти к Магомеду. Этот «массив» ограничился полуоборотом туловища, голова, похоже, не поворачивалась вовсе. Набрякшие веки медленно ползут вверх, две толстых пиявки дрогнули и разорвались, явив черную дыру рта, толстый язык прошелся по золотым коронкам, пиявки агонизировали, щеки раздулись, как парус на ветру…

Глядя, как в возникшей луже барахтается бедный Тоби, я медленно, вдоль стеночки отступал назад, опасаясь, что плевок был пристрелкой для настоящего залпа.

Несколько капель попали на лакированные ботинки карлика, плешивая голова дернулась вниз, кустистые брови взлетели на середину лба. Правая рука шарит в области груди, словно ища сердце, наконец, мрачное лицо озарила улыбка, – толстые пальцы выудили из кармана носовой платок. Крючковатый нос задергался, верхняя губа приподнялась, глаза закатились и спрятались под тяжелыми веками…

– Аааа-пчхии!

Карлика приподняло над землей, он передернул плечами, замотал головой, утирая выступившие слезы, хмыкнул, желтые глаза скептически рассматривали чистый платок. Пожав плечами, вытер нос рукавом, наткнулся на пунцовое лицо толстухи: крохотные глазки уставились на ползающий в ногах комок слизи, толстая рука неверяще дернула за поводок, – Тоби заскулил, слепо ткнулся в туфлю хозяйки.

– К-хх-м! – Прочистил горло карлик. – Можно еще струйками померяться, да тузика жалко. Зато я нашел уважительную причину за ним не убирать…

Толстые губы презрительно скривились, женщина дернула за поводок, вытягивая Тоби на сушу, коряво подведенная бровь вопросительно изогнулась.

– … если к вашему «богатому внутреннему миру» добавить хоть каплю из его скромной кучки, то все «хорошее», что вас переполняет, – затопит этот в меру засранный город.

Поросячьи глазки несколько раз моргнули, брови сошлись к переносице, карлик с интересом наблюдал, как обрюзгшее лицо меняет все цвета радуги.

– Ах ты, фашист поганый! Сам ты мешок с дерьмом! У нас дерьмокра… тьфу ты… демократическая страна и все имеют равные права засирать улицы! А у меня этих прав может в разы больше твоего, – я инвалид первой группы! Чего-то не нравиться, бери и убирай дерьмо с улиц, – твое право, а меня все устраивает! Я – женщина свободная.

– То есть, свобода, – это быть в дерьме по уши, лишь бы не заставляли его убирать?

Выудив из кармана упаковку влажных салфеток, Исра, морщась, вытирал ладонь. Скептически осмотрел результат, скомкал, толстуха проследила полет грязной салфетки, карлик невинно улыбнулся и достал свежую. Снова тщательно тер, – грязный комок спикировал на асфальт, Тоби яростно кинулся за ним, растягивая поводок. Карлик медленно отступал под испепеляющим взглядом толстухи, словно мальчик – с – пальчик, за неимением хлебных крошек, отмечая путь скомканными салфетками.

– Да! Это мое суверенное право!

Толстуха медленно и неумолимо наступала на отступающего карлика. Исра использовал последнюю салфетку, обернулся, в поисках урны, пожал плечами и бросил пустую упа-

ковку в дыру канализационного люка. Вместо ограждения из темного отверстия торчат куцые листики на высохших ветках.

Я заподозрил недоброе, – Исра замер у отверстия, плечи поникли, взгляд сверлит землю. Толстуха хмыкнула, презрительно сплюнула ему под ноги, тяжело повернулась, крохотные глазки провернулись в орбитах, намечая маршрут.

Тоби решил помочь хозяйке, звонко тявкнул, подбежал к черным туфлям, задняя лапка приподнялась, на заляпанной мордочке проступило задумчивое выражение. Исра, не меняя позы, легонько пнул тузика пяткой под зад. Обескураженный лай канул в темном чреве канализации, следом прошуршал конец поводка, выскользнувший из потной ладони хозяйки. Земля задрожала от частых подземных толчков.

– Тооби-ии-и! – С невероятной для такого тучного тела прытью, женщина ринулась к люку.

И первый же шаг ее подвел. Поскользнувшись на салфетке, собрала по инерции еще несколько, толстые руки откинулись назад, пытаясь обнять весь мир. Огромное тело взлетело в воздух, замерев на мгновение параллельно земле…

Меня подбросило, на соседней улице сработала сигнализация, редкие прохожие бросились врассыпную, кто-то лег и накрылся руками.

Я ожидал криков, мата, проклятий, чего угодно, но… Лишь тихий стон срывается через стиснутые зубы. В распахнутых крохотных глазках отражаются плывущие облака, женщина лежала, раскинув руки, одинокая слеза прорвала запруду набрякших век, скатилась, потерявшись в складках лица. Из темноты люка яростно лает Тоби.

Исра медленно обошел распростертое тело, выпученные глаза поворачиваются в орбитах, следуя за горбатой фигурой. Нависая прямо над ней, он внимательно всмотрелся во влажные глаза, утвердительно кивнул, грустная улыбка искривила толстые губы.

– У вас перелом шейного позвонка, и… судя по запаху, кишечник решил избавиться от содержимого. Поздравляю, очень скоро вы будете по уши в том, что определили мерой своей свободы.

Она замычала, глаза быстро наполнились слезами, ручейки текли по толстым щекам, заполняя многочисленные ямочки и складки.

– Ну, что вы. – Развел ручками карлик. – Радуйтесь, теперь никто и никогда не оспорит вашего суверенного права жить в дерьме. Остаток жизни вы проведете прикованной к постели, регулярно гадя под себя и лежа в этом самом подолгу, ибо не найдется желающих… да и просто способных поднять такую тушу, чтобы убрать. Ваши принципы будут неколебимы. А если в минуту слабости и отчаяния, вам захочется пойти на попятный и возникнет неодолимое желание подтереть себе зад… Даже этого не сможете. Если вас это утешит, – тут нет вашей вины. Виновата случайность. Случайность и грязные салфетки, что вместо урны оказались у вас под ногами. Но это ведь мелочь, верно? Главное, – демократия соблюдена. А ради торжества справедливости можно пойти и на жертвы…

Женщина что-то прохрипела, голова свесилась набок, рука слабо приподнялась, дрожащие пальцы тянутся в сторону люка. Замотала головой, пальцы бессильно скребут по асфальту, слезы текут по дрожащим щекам.

Я дернулся подойти, – карлик предостерегающе выставил ладошку, уже чистую, квадратная голова медленно повернулась на короткой шее. Наши глаза пересеклись. Зеленые, полные непонятной тоски и боли. Желтые, в которых было все и ничего. Карлик не наводил между нами мостик, он лишь в очередной раз указал, насколько велика пропасть.

Возникла обычная в такой ситуации суета. Те, кто хотел помочь, и кто лишь делал вид. Но ни тем, ни другим, не удалось приподнять громоздкое тело. Кому повезло вляпаться в его «богатое содержание», с проклятьями пытались вытереть обувь, уходили, со словами, что позовут на помощь. Кто-то догадался вызвать скорую.

Я стоял. Просто стоял и ждал, когда же они появятся. Распахнутся огромные черные крылья, и я снова, еще больше, чем эти люди, – буду бессилен и бесполезен. Я ждал. Пока наши взгляды не пересеклись вновь.

– «Не будешь», – говорили золотые зрачки, – «Мы можем лгать всю жизнь окружающим, Богу и даже себе. И только одно мгновение нашей жизни мы откровенны, – когда лгать уже некому. Когда лезвие гильотины отсекало головы французских революционеров, не каждый обрел Бога, но каждый встретился с Собой. С настоящим и единственным, который для многих оказался адом, что носили внутри всю жизнь. Отними у людей право обманывать и быть обманутыми, и правда раздавит их».

Карлик криво ухмыльнулся, глядя на царящую суету, глаза печально следили за теми, кто, замаравшись, в ужасе отбегал. И с еще большей грустью за тем, кто вымазался по самые локти, но не заметил. Приближался вой сирены…

Черный сюртук отступил, уступив дорогу санитарам, рыбкой нырнул между плотных рядов, без всплеска растворившись в волнующейся человеческой массе. Словно заторможенный, тяжело двинул следом, с боем отвоевывая каждый метр, стараясь не упустить из виду плешивый затылок, но мысли невольно возвращали обратно. «А какой настоящий, – я?» Переход от отвращения к жалости, – что изменилось за это короткое время. Почему пожалел ее только сейчас. Почему не жалел, когда увидел. За всей ее спесью, злобой, за центнерами жира, где-то глубоко внутри скрывалась обычная, несчастная женщина. Что хорошо знала, какие эмоции вызывает у окружающих. Несчастная настолько, что не может принять настоящую себя даже сейчас. А когда примет. Если смирится окончательно и захочет умереть…

– Ты не придешь…

Вздрогнул, меня потянули за рукав, ноги послушно, хотя и с натугой свернули за угол. Исра упорно тащит в сторону далекого перекрестка. Далекого, но смутно знакомого.

– И я не приду… – Добавил он, продолжая тащить за руку. – Она умрет в одиночестве, проклиная себя и всех вокруг, умоляя, чтобы ей дали умереть. Но даже тогда они не появятся.

– Но почему…

Карлик взглянул искоса, широкие плечи поникли, горб стал заметнее, натянув ткань на спине кривым холмиком.

– Она бы не смогла. Даже если бы захотела. Как ни крути, сколько бы человек не говорил или думал, в конечном счете, нас определяют только поступки.

– Но…

– Но не разочаровывай меня! – Перебил карлик, повысив голос. – Мы, кажется, спешили куда-то. Чтобы понять поступки людей, нужно прожить жизнь и осознать, – этого мало. Проживи еще жизнь – результат тот же. Сотню или тысячу, – не важно…

Солнце спряталось за облака, но мы давно шли в прохладной тени, дома в проулке тесно жались друг к другу, нехотя теснились, нависая испещренными трещинами боками над единственной узкой дорогой. Потемневшая от времени кладка, где не различить отдельные кирпичи. Давно сросшиеся краями, они вторили древним строителям, что умели жить тесно, без камня за пазухой, знали соседей в лицо. Эти стены видели многое, но кому интересен их старческий шепот. Острый гравий под ногами заставлял чувствовать каждый шаг, сбивал с привычного ритма, глаза невольно цеплялись за названия улиц, ноздри почуяли запах зелени среди городского смрада.

– Большинство из них живет так, словно спит с кнопкой перезагрузки. Остальные, – будто бессмертны…

– И какой выход? – Нарушаю зависшую паузу, ныряю под очередную ветку. Хорошо карлику, – проходит самым низом, не пригибая головы.

– Принять скоротечность жизни. Неизбежность смерти… – Буркнул карлик, недовольно дернув плечом.

– И станет проще?

Гравий жалобно брызнул в стороны, когда резко затормозил, крохотный камешек пролетел у Исры между ног. Карлик недовольно обернулся, желтые зрачки неприязненно следят, как веду рукой по стене дома, под пальцами осыпается штукатурка, космы паутины липнут к ладони. За пальцем по серой стене пролегает светлая дорожка, избегаю встречаться взглядом.

Он нетерпеливо дергает за руку, призывая идти дальше, вздохнув, отлипаю от стены, смотрю в черные провалы. По спине бежит невидимая сороконожка, невольно сдвинул лопатки, когда наставник отводит взгляд, незаметно перевожу дыхание.

– Нет. – Сплюнул он, наблюдая, как ветер играет сухими листьями. – Зато станет похоже на жизнь. «Движение – жизнь», звучит, конечно, романтично. Но порой, нужно остановиться, чтобы понять, – бежишь не в ту сторону. А они все бегут, вроде бы потому, что жизнь скоротечна. Бегут все быстрей и быстрей, думая, что убегают от смерти.

На широком лице расплылась хищная улыбка, алые искры вспыхнули в глубине глаз, словно ветер раздул погасшие угли, толстые пальцы, словно лапки большого паука прядут в воздухе невидимую нить.

– Представляешь, как ОНА улыбается, неспешно идя навстречу… пока несетесь вприпрыжку…

Мир рухнул, ударил острым гравием в подкосившиеся колени. Череп взорвался мириадами горящих образов: тысячи светлячков, что, едва вспыхнув, тонули в черной бездне. Пустота и отрешенность нахлынули сами, я взвыл, стискивая руками раскаленный котелок, еще недавно притворявшийся головой. Оглушенный, я тщетно стискивал веки, – окружающее пылало аурами, прохожие распались сверкающими миражами… Бесконечность вариаций, действий, поступков, случайностей, способных породить вселенную. Тысячи миров, сходящихся в одной точке, в каждом и ни в ком. От различимых, до совсем смутных. От неизбежных, до невозможных. Они наслаиваются, догоняют, опережают друг друга, и каждую секунду, каждое мгновение сотнями блекнут, сереют, осыпаясь пеплом, под ноги спешащих людей. Ярче всего сверкают дети, будто звездочки на небосводе, среди тусклых фонарей взрослых. Но не все…

Мальчик. Девяти, а может и десяти лет. Точнее сказать сложно. Бледные худые ручки с ниточками вен, свежие синяки от уколов, глубоко запавшие глаза устало взирают на резвящихся детей, смущенный румянец залил впалые щеки: ловя косые взгляды, непроизвольно проводит ладошкой по лысому черепу. И мрачное нечто, тенью липнущее к ногам, – тянется, гася остатки света. Его жизнь, – боль. Череда процедур и уколов. Каждый, в попытке обогнать смерть. Сокращая и без того короткий путь. А рядом…

Женщина. Держит за руку так, словно стоит разжать пальцы, и он улетит. Сделав однажды выбор, – рожать вопреки прогнозам, она вынуждена теперь выбирать снова и снова. Еще пара месяцев и ей предложат последний выбор: удвоить дозу в надежде на результат, но с риском убить сразу, или отступить, бессильно наблюдая, как он медленно сгорит за пару недель. Вижу, как их ауры переплетаются. Стоит одной погаснуть и… И знаю. Никакого выбора нет.

– Хватит! Не могу…

Едкий пот застилает глаза, горло хрипит, легкие с трудом гоняют спертый воздух. Люди шарахнулись в стороны. Мать закрыла ребенка, спешно повела в подъезд. Мальчик смотрел на меня, пока хлопнувшая дверь не разделила нас, – он уже все понял и смирился. Но мне от этого было не легче.

Карлик бережно отрывал стиснутые на висках пальцы, один за другим, взял за руку, словно ребенка. Медленно, но настойчиво потянул, заставив встать и идти. И я шел. Не видя и не слыша ничего вокруг. Потому что мог.

– Видишь. Если ты не можешь принять свою сущность. Чего ждать от них?

– Не хочу. Не хочу это видеть. – Повторял и повторял, словно заклятие, сквозь стиснутые веки чувствуя, как вспыхивают и гаснут… гаснут… ГАСНУТ!!! – Ничего не хочу!!

– Ладно. – Покладисто согласился карлик, уводя в сторону. – Они могут себе позволить закрыть глаза, а чем ты хуже, верно? Ослепни и оглохни, – твое право. – Где-то я уже слышал подобные речи, но кипящий мозг отказывался думать.

– Давай так. – Донеслось шумное сопение. – Я покажу тебе всего одну вещь, если узнаешь, – на сегодня свободен. Договорились? Ну вот и ладненько.

Приняв молчание за знак согласия, Исра довольно потер ручки, увлекая меня в шумящий людской поток. Мы вынырнули из тени бокового переулка, двумя каплями канули в шумящей полноводной реке рук, ног, локтей, наступающих на пятки ботинок, сотен запахов и голосов. Я послушно шел. Или скорее, плыл по людскому течению, боясь поднять глаза, увидеть. Принять неизбежность.

– … тебе уже говорила, – либо ты избавишься от ублюдка, либо домой можешь не возвращаться! – Голос дрожал, похоже, говоривший был на пределе.

Точнее, была. Женщина растерянно огляделась, пошла, раздвигая толпу локтями, толкнула меня, отвоевывая очередные метры.

– Ах, так у него еще и осложнения. Да плевать, что это – она! Ублюдок и есть ублюдок! Где его папаша? Ах, не знаешь. Ну, вот и я ничем не могу помочь, – как нагуляла, так и избавляйся. Да хоть в реке топи! Да пропустите же…

Людской берег резко обрывался на переходе. Дорога манила отсутствием машин, но справа коварный поворот, любопытные вытягивали шею, пытаясь заглянуть за угол, топтались на месте. Вот обратный отсчет подошел к концу, и… Резкий звук резанул слух, будто ветка хрустнула. Вскидываю голову, но апатия берет верх, возвращая к созерцанию асфальта, послышался тихий смешок.

– Да что за… Сломался что-ли. – Бывает так, из гомона толпы слышен чей-то определенный голос. – Я и так опаздываю, а у них потом перерыв на час… Это я не тебе! Что? Какие деньги? На лечение?! В приют сдай. Ах, ты меня еще шантажировать будешь! Да засунь себе эту дарственную, знаешь куда… Да плевала я, что там бабуля отчебучила, – она была выжившей из ума маразматичкой. Я – дочка, – прямая наследница… А ты вначале отыщи эту дарственную, докажи родство. Ты моя кто, – дочь? Ну, так я тебя обрадую, – свидетельство о рождении я сожгла, а пока будешь восстанавливать, перепишу на себя квартиру… Что? А со мной так поступать честно?!!

Щелчок и толпа превратилась в бушующий стадион. Раздались гневные крики, предложения сломать к такой-то матери долбанный светофор, – опять красный горит. Водители, радуясь зеленому коридору, давили на газ, нещадно сигналили, отпугивая желающих проскочить.

– Да что за… – Женщина растерянно смотрела на взбесившийся светофор, перевела взгляд на наручные часы, болезненные красные глаза следили за минутной стрелкой. – Я не могу опаздывать, мне назначено.

– Время лечит… время убивает… – Хихикнуло сзади.

Дамочка выругалась, дернулась перебежать дорогу, и была немилосердно облаяна водителем маршрутки. Сама в долгу тоже не осталась. Замерла на краю волнующегося людского потока, нервно топала каблучком, мобильник «разрывался» в опущенной руке.

– Идиотка. – Убрав звук, она швырнула гудящий телефон в сумочку. – Я ее растила, а она что вытворяет! Ну ничего. Еще приползет. И ублюдочка своего притащит. А я ее прощу. Я же хорошая мать. А с ним… – Усмехнулась, поправила сумочку на плече. – С ней. Разберемся.

– Считаете, будто ребенок принадлежит вам, потому, что вы – мать?

Голос карлика? Пухлая ручка бесцеремонно оттесняет меня в сторону.

Исра деловито обходит вокруг, встает перед хмурящейся дамочкой. Браслеты, охватывающие тонкую кисть, дружно звякнули, рука поднялась к голове, дрожащие пальцы убрали

непослушную прядь волос от лица, глаза прожигают улыбающегося наставника. Уперев руки в бока, она слегка наклонилась, чтобы заглянуть ему в глаза.

– Я ее родила. И вырастила. – Процедила она сквозь зубы, желваки вздулись под бледной кожей, нервно теребит кольцо на левом безымянном пальце.

– Исчерпывающий ответ. – Развел руками карлик и раздул щеки. Копируя позу женщины, упер руки в бока, выставил вперед правую ногу и подмигнул.

Дамочка пошла пятнами, от избытка чувств забыв русскую речь. Литературную. По мере того, как на Исру извергался вулкан отборнейшей брани, вокруг росло кольцо отчуждения, – в толпе, где яблоку негде упасть, нашлась прорва места. Я ошалело крутил головой, фиксируя высокий слог, и подсчитывал приличные слова. Впрочем, за исключением предлогов «в» и «на», таковых не оказалось. Предлогов было тридцать семь.

Пока я восхищался «высоким» слогом, наставник раскачивался с пятки на носок, с самым беззаботным видом рассматривая облака. Стоило дамочке сделать паузу, как он шмыгнул носом, перевел взгляд на взбешенное потное лицо, покрытое красными пятнами. Карлик почесал лоб, посмотрел на бурно вздымающуюся грудь под черной блузкой, толстые губы двигались, как у разминающегося диктора.

– Простите, вы что – то сказали. – Смущенно пробурчал он, ковыряясь пальцем в ухе. – Слуховой аппарат забыл включить. Может, повторите…

В новом потоке брани неприличными были даже предлоги. Женщина остановилась, перевести дух, от пунцового лица идет жар, лоб покрыт испариной, бока раздуваются, как у загнанной лошади.

Исра широко, с подвыванием зевнул, плямкая губами, громогласно рыгнул, удивленно озираясь, будто впервые заметив толпу. Многие так старательно отводили взгляд, что с тем же успехом могли пялиться во все глаза и тыкать пальцами. Золотые зрачки сфокусировались на пунцовом лице, проследили за капелькой пота, стекающей по изрезанному морщинами лбу. Он лукаво улыбнулся, подняв вверх указательный палец, приоткрыл рот…

– Тебе еще раз повторить… с самого начала?! – Процедило пунцовое существо, через стиснутые зубы.

– Не. – Хмыкнул карлик, почесывая плешь. – От сотворения мира – долго. Давай с той черной страницы, где на свет появляешься ты.

Женщина яростно топнула каблучком, нетерпеливо оглянулась. Светофор покладисто считал последние секунды, зеленый человечек взял низкий старт.

Хлесткий, как удар бича, щелчок, и зеленый человечек смылся, вытолкав на поле красного. Толпа гудела, взволнованная не на шутку. Женщина подскочила на месте, как ужаленная.

Исра продолжал ритмично щелкать пальцами, тучка набежала на широкое лицо.

– Каждый раз, когда я щелкаю пальцами. – Трагическим тоном промолвил он. – В мире умирает нарисованный человечек. А вам достаточно лишь передумать, чтобы выжил настоящий.

В воздухе повисло напряжение, давило на плечи, заставляя непроизвольно горбиться, одинокий старичок прислонился к стене дома, судорожно ощупывал карманы. Молодая пара, что стояла, держась за руки, с шумом разбежалась, – парень даже не обернулся, девушка бессильно упала на колени, размазывая тушь по лицу. Мрачное нечто заставляло отводить глаза, менять курс, гнало прочь.

Я тоже ощутил «это». Мог увидеть, но… Пустота маячила, назойливо напоминая о себе, билась о мое безразличие. Не хочу…

– «Не могу». – Поправил себя, и стыдливо отвел взгляд, стараясь не смотреть Пустоте в лицо. В простое, бесхитростное, что не просило ничего взамен, лишь принять. Но я не мог. Я не…

Поток машин иссяк, словно где – то перекрыли кран. Лица редких водителей мрачнели с каждой секундой, последняя пара резко затормозила у перехода, словно там пролегла незримая черта, несколько мгновений боролись, сжимая руль до треска кожи. Запах паленой резины, букс колес на месте, вывернутый руль, через минуту рев моторов затих вдали. Светофор умер, таращился пустыми глазницами. Последней, проехала машина «скорой», сирена взорвала липкую тишину, испуганно стихла на переходе, седой водитель приник к рулю, стиснув зубы, давил педаль газа, красный крест исчез за углом, – ему некогда бояться смерти, от него зависит жизнь.

Женщина скривилась, как от зубной боли, посмотрела на другую сторону дороги, на безжизненный светофор, туфелька неуверенно ступила на зебру.

– Вы еще можете спасти одну жизнь. – Тихо произнес карлик.

Дамочка окрысилась, ринулась вперед, пригибая голову, будто шла против ветра.

– Значит, – смерть, прежде бесчестия! – Крикнул вдогонку наставник. – Ради чего? Ради нее, или ради себя?!

– Да я лучше сдохну, чем позволю… – Взвизгнула она, изящные туфельки преодолели половину пути.

Щелчок пальцев. Высокий каблук подломился. Подавившись концом фразы, дамочка, красиво взмахнув ручками, рухнула на асфальт. Черная сумочка взлетела в воздух, медные наклепки засверкали в лучах солнца, плюхнулась, выплюнув из недр кипу бумаг, ветер радостно подхватил нежданную добычу, разбросал вдоль дороги. Издалека доносился рев одинокого мотора.

Женщина со стоном поднялась, водя очумелым взором и потирая ушибленную поясницу, сильно припадая на правую ногу, кинулась собирать бумажки.

– Вам бы лучше уйти с дороги. – Покрутил головой Исра, прислушиваясь к нарастающему реву. – Бросьте вы эти бумажки, они того не стоят!

– Отвали! – Рявкнула она, бросив озлобленный взгляд на карлика. – Не твое собачье дело. Да где же она…

Затравленно озираясь, она рыскала по дороге. Но, когда отдаленный шум перешел в рев могучего мотора, все – таки поковыляла на другую сторону дороги, воспаленные глаза всматриваются в разлетающиеся бумаги.

Исра внимательно следил за секундной стрелкой трофейных часов, воровато глянул через дорогу, присел, делая вид, что завязывает шнурки. Пухлая ручка нырнула за отворот пиджака, вытянув край синей папки. Достав наугад пару страниц, тянет мне.

– Держи.

– Что это? – Верчу в руках распечатку. Непонимающе смотрю в желтые глаза. – Документы?

– Угадал. – Радостно кивнул наставник.

Краем глаза, он следил, как дамочка мнется на другой стороне, хмурое лицо пошло алыми пятнами, стоило взгляду упасть на бумаги.

– Давай их порвем! – Крикнул карлик, карикатурно размахивая пухлыми ручками.

Карлик тянется, потные пальцы выдергивают краешек бумаги, тот скользит, вот-вот выпадет. Через дорогу оглушительно охнуло, резкий порыв ветра выдергивает листы, несет вдоль бордюра. Карлик хватается за голову, кидается следом.

– Не смей!!! – Отчаянный крик. Отчаянный рывок.

Исра разводит руками, глаза смотрят через дорогу, на широком лице растет грустная улыбка.

Бой невидимых Часов разрывает череп, ледяная игла вошла в сердце, заставив содрогнуться. Растущее напряжение достигло пика, сжав грудную клетку, – не вздохнуть, еще пара секунд и… Запоздало тянусь к Пустоте… Поздно.

Уже знакомый визг тормозов. Она успела наклониться, тонкие пальцы ухватили край листа, испещренного вязью непонятных расчетов, торжество в глазах, сметает ужасом непоправимой ошибки.

Удар. Тело перелетает через капот, оставив на лобовом стекле алые разводы, волчком завертелось в воздухе, безвольным мешком с костями рухнуло на раскаленный асфальт. В судорожно сжатом кулаке – обрывок, ветер треплет краешек листа, под колонками цифр фамилия исполнителя и телефон.

Серебристую иномарку заносит, разворачивает боком, передние колеса заезжают на бордюр. Выбежавший костюм тройка с ужасом осмотрел огромную вмятину на капоте, пытается утереть рукавом кровь с разбитого стекла.

– Да какого… Да твою ж мать… Ну почему я?! Я же просто возвращался за договором. Где-то здесь потерял. Все из-за этого долбанутого…

Он резко замолчал, взгляд напоролся на Исру, кадык пришел в судорожное движение, пытаясь сглотнуть. Наставник весело ему подмигнул, кивнул на меня, толстые пальцы выудили на свет синюю папку. Взгляд мужчины буквально прикипел к ней. Карлик тем временем широко замахнулся, папка просвистела, упав водителю под ноги.

– Забирай. Ты его отработал.

Водитель безмолвно открывал и закрывал рот, правая рука дернулась перекреститься, да так и замерла посредине, дрожащие пальцы ослабили петлю галстука. Схватит папку, он прыгнул в салон автомобиля. Скрежет протекторов по бордюру, серебристая иномарка рванула с места, вильнула серебристым бампером и исчезла, только рев затихал вдали.

– Зачем.

Странно, голос почти не дрожит. В отличие от рук, что тщетно щупают пульс на ее шее, в распахнутых глазах отражаются облака. Смотрю на наставника.

– Зачем?

– Чтобы ты смог осознать одну вещь. – Пожал плечами карлик, взглянул на часы, затем на небо, еще раз пожал плечами и пошел по зебре на другую сторону.

– Куда ты. Что за… А мне что делать?!

– Можешь ничего не делать. – Мстительно улыбнулся Исра, подойдя вплотную – У тебя уже неплохо получается.

Подождав пару секунд, он сплюнул под ноги, повернулся спиной, голова задралась, рука приложена козырьком ко лбу, словно он высматривал нечто в вышине.

– А можешь дождаться полиции, дать показания, опознать… машину, водителя. Или уйти, – ведь ты ничего не видел и не слышал. Потому что не мог. Или не хотел?

– А как же… поспешим… потеряем клиента… к чему это было?!

Карлик удивленно обернулся, желтые глаза брезгливо смерили меня с головы до ног. Вокруг, словно волны на берег, раз за разом накатывали толпы спешащих людей, огибали по широкому кругу, сокрушенно качали головами, кто-то достал телефон, обошел труп, выбирая лучший ракурс.

– А что не так? – Криво ухмыльнулся карлик. – Мы поспешили. Клиента… – Карлик безучастно посмотрел на растекшуюся по асфальту красную лужу, отступил на шажок, чтобы не заляпать туфли. – Хм… Клиентку, – потеряли. Все сходится.

– Это… Она?! – Я неверяще смотрел в смеющиеся глаза. Не верю, он бы никогда не пошел на такое.

– «Кто скажет, что это – Он, пусть первым бросит в меня камень». – Хмыкнул карлик, пиная дамскую сумочку. Пожал плечами, бросил безразличный взгляд на труп, отвернулся, короткие ножки сделали шаг в сторону людского потока.

Три удара сердца. Всего три. Но когда рука коснулась черного сюртука, дыхание вырывалось со свистом, словно полдня поднимался в гору. Развернуть эту «гору» ничуть не легче, чем настоящую. Взгляд прожигает плешивый затылок.

– Кто был клиентом, Исра? Ты не можешь солгать на прямой вопрос!

Карлик вздохнул, недовольно дернул плечиком, пытаясь стряхнуть руку.

– Все. – Наконец ответил он, разведя короткими ручками.

От удивления, выпускаю гладкую ткань, но карлик остался на месте, желтый глаз косит на мельтешащих людей.

– Как же ты не поймешь то, – досадливо крякнул он, – каждый из них, – был, есть и остается нашим клиентом. Пока не перейдет в искомое состояние. – Хмыкнул, косясь на дорогу.

– Ладно. – Зубы противно скрипнули, желваки натянули кожу. – Тогда о ком ты говорил в начале, вряд ли ты имел в виду всех!

– Ох, и имел я их всех в виду. – Устало махнул ручкой карлик. – Но ты ведь не отстанешь, да? Хочешь истину, ну так получай исчо одну. Если бы эта дамочка дошла до нотариуса, то с вероятностью в 99 процентов, оставила бы дочурку без наследства и уже завтра выбросила ее с двухнедельным больным ребенком на улицу. А еще через пару-тройку недель, вероятность, что доведенная до отчаяния семнадцатилетняя девчонка покончит с собой, была бы процентов 80. В случае ее смерти, вероятность гибели ребенка – 99 и 9. Но даже сейчас, вероятность гибели ребенка больше половины. А вот когда полиция найдет виновника ДТП… а она его найдет. – Короткий взгляд на зажатый в ее кулаке клочок документа. – Он попытается откупиться у родственников погибшей, денег хватит на срочную операцию. А если он попадет в тюрьму, вероятность его суицида будет… Продолжать?

Карлик насмешливо смотрел, как я, выпучив глаза, хватаю ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба.

– Но это все случайность… – И сник под брезгливым взглядом наставника.

– Знаешь, Андри. – Вздохнул он, похлопав участливо по спине. – В этой жизни случается абсолютно все! Абсолютно! Но нет ничего случайного…

И уже совсем тихо добавил:

– А если кто-то срочно не вернешься домой, то…

***

Черные провалы насмешливо проследили, как Андри стремительно разрезает людской поток. Ощутив чей-то пристальный взгляд, Исра поднял глаза вверх, желтые глаза прошлись по волнующейся черной массе.

За небесной синевой пряталось мрачное нечто, смоляная масса колыхнулась, уперлась в невидимый барьер, в слепой ярости заметалось среди облаков, – кто-то из прохожих внезапно схватился за голову, зашелся в истерике грудничок, один старик смертельно побледнел, сполз по стене, хватаясь за грудь. Барьер прогнулся, серая пелена упала, отрезав привычный мир, люди замерли, словно выжидая. Черное копье выстрелило с небес, пронзив дергающееся в конвульсиях тело. Исра безучастно смотрел, как над телом вспыхнуло черное оперение, – доля секунды, и мир снова обрел краски. Мгновение, и вселенная осиротела на одну жизнь. В бесконечно далекой вышине прокатился раскатистый гул, будто рев вечно голодного зверя.

– И незачем так орать. – Примирительно усмехнулся наставник. – Моего участия тут самый краешек, даже те злосчастные бумаги побывали у него в руках, – если правила и не соблюдены, так они и не нарушены. Жизнь, за жизнь, – равноценный обмен.

Сделав вид, что его больше не занимает этот разговор, он достал из кармана телефон, взгляд уперся в секундную стрелку Ролекса.

– И вообще, я здесь совершенно случайно, кто ж мог знать, что так все повернется. – С притворной скорбью вздохнул карлик. – Три… два… один.

Телефон заверещал, завибрировал, пытаясь выпрыгнуть из пухленькой ручки, как юркая рыбешка.

– Какой неожиданный звонок, – хихикнул карлик в трубку, – а ты быстро добрался…

Глава 2.3. Один день из не жизни, не человека… «Черная вдова»

– Ну и зачем я вернулся домой?

Трубка, прижатая к уху, невнятно бурчит, пока вожусь с замком. Дверь взвизгнула, скривился, в очередной раз, напоминая себе, – смазать петли. Тонкий прямоугольник света истончился, с легким щелчком дверь захлопнулась, оставив меня подслеповато щурить глаза. Левая рука перехватила выскальзывающую трубку, правая слепо шарит по стене в поисках выключателя. Прошелся ладонью вдоль вешалки с вещами, нащупал плащ, осеннюю куртку.

– Так, где-то здесь…

Рука отодвинула пальто, ныряя к выключателю и… Сжала мягкую полусферу, по кисти растеклось странное тепло, подушечки пальцев подбрасывает, словно внутри сферы работает отбойный молоток. Из темноты раздался томный вздох, одежда мягко шуршит, выпуская на волю нечто. Звонкий смех серебряным колокольчиком разогнал тишину, за спиной возник девичий силуэт, окутанный призрачным сиянием.

– Ну здравствуй, Сладенький! – Трубка выпала из ослабевшей руки, с треском разлетелся пластиковый корпус, динамик обиженно пискнул и смолк.

Мягкий бархат застит глаза, сладкий запах сирени в воздухе. Две стройные ножки опутывают талию, горячие мячики трутся о спину, острые зубки впиваются в шею, – короткая боль и кровь теплым ручейком стекает за ворот рубашки. Горячие губы блуждают по шее, нежный язычок, медленно и томно собирает утекающую жизнь.

Одна польза от паралича, – материться не могу. Остается ждать, сразу не убьет, – я нужен.

Тонкие пальчики скользят по груди, рвут ткань острыми ногтями, оставляя кровоточащие борозды. Опускаются ниже, легкий смешок сопровождает неравную борьбу ременной застежки. Ну вот, последняя крепость пала, юркие пальчики ныряют за пояс, двигаются, заставляя тело откликнуться, глухой стон срывается с онемевших губ.

– Я вижу, ты мне рад! – Пальчики скользят ниже, сжимаются с неожиданной силой, позвоночник пронзает раскаленная игла, мозг взрывается спазмом наслаждения и боли.

Тьма отступает, вытесняется растущим сиянием хрупкой фигурки. Оглушенный, хватающий ртом воздух, – я медленно умираю в страстном приветствии Мизраэль.

Стройные ножки скользят, перебираясь выше, она извивается, блуждая по моему телу, словно гигантская змея. Нырнув под руку, скользит по груди вверх, пока наши глаза не встречаются. Синие омуты без зрачков, затягивают, обещая удовольствие на грани жизни и смерти. На грани, ведь за ними – смерть.

Жадные губы впиваются в рот, запах сирени накрывает терпкой лавиной. Прокусив острыми зубками нижнюю губу, она отстраняется на вытянутых руках, ноги скрещиваются за спиной. Синие омуты следят, как в месте укуса проступает алая капля, тонкая струйка течет по подбородку, щекоча шею, устремляется вниз. Приникает губами к шее, язычок медленно скользит вверх, собирая капельки. Красная змейка шуршит по щетине подбородка, находит распахнутый рот, сочные, вкуса спелой вишни, губы впиваются, отнимая возможность дышать. Юркая змейка раз за разом ныряет все глубже, опутывая язык, сладкий сок смешивается с кровью, стекает в горло кипящей лавой. Огненный шар падает в желудок. Взрыв сотрясает тело, опаляя внутренности, тьма застит глаза, холодная кисть проникает в грудь, льдом сковывая взбесившееся сердце.

Тело падает с глухим стуком. На пол летит сорванная вешалка, одежда разноцветным пологом накрывает слившиеся тела. Под спиной хрустит, превращаясь в стеклянное крошево, пыльная ваза, осколки врезаются в плоть, но тело уже не чувствует ничего, кроме нарастающего

безумного напора. Бешеного танца плоти, рвущего одежду, крушащего кости, дарящего смысл жизни, – отбирая ее.

Сквозь кровавую пелену пробивается свет синих глаз, мерцающих на пепельно сером лице, красивые черты искажены мукой наслаждения, с уголка губ стекает кровь. Словно две звезды, ее глаза вспыхивают все ярче, выжигая душу, обращая внутренности в пепел. Тело напрягается, чувствуя близкую смерть, выдерживая растущий напор. Ее глаза радостно распахнулись, вбирая остатки моей воли, – все, ради этого момента. Ради мига, когда затухающее сознание выбросит остаток сил в попытку обмануть смерть, оставить след в этом мире. Надежда, иллюзия бессмертия, – дать начало новой жизни. Эта надежда и питает ее. Даруя новую жизнь. Ей…

Тело выгнулось дугой, дикий вой разогнал темноту, скрюченные пальцы скребут деревянные полы. Из сумрака смерти проступили выцветшие обои, вещи раскиданы, словно тут бушевал ураган. С хрустом разогнулась закостеневшая спина, из ран дождем сыпались мелкие осколки, кожа затягивается, оставляя сотни белых шрамов. Через пару часов они потемнеют, а уже через сутки ничто не будет напоминать о…

Ноздри с шумом втянули воздух, слабый запах сирени смешивался с прогорклым маслом. Уши дернулись, как у собаки, на лице застыло удивленное выражение, голова с трудом повернулась в конец коридора. Дверь на кухню закрыта, в тонкие щели выбивается свет, текут запахи готовящейся пищи, доносится смутно знакомый звук… Мотаю головой, сбрасывая наваждение. Звук не пропал, – пение.

Песня была томной, грустной, нежной и настолько… глубокой, – более подходящего слова не нашлось в моем скудном словаре. Она не трогала за струны души, а играла на ней, заставляя бездумно лететь следом, словно мотылек на свет. Песня без слов, без привычных ритмов. Мелодия, – настоящая, рвущая душу. Песня льется ручейком, унося вперед, к далекому морю, каждый виток уникален, как сама жизнь. Песня не по памяти, не по нотам, – так звучит настроение.

Держась за стену, иду на звук. В темноте хрустят осколки, одежда подсекает ноги, отговаривая идти, но голос манит. Дверная ручка со щелчком подалась вниз, крякнули старые петли, подслеповато щурясь, шагаю в светлый проем.

Мелодия оборвалась, тень набежала на крохотное помещение, пыльная люстра обиженно замерцала, вот-вот перегорит. Две тусклые звездочки смущенно блестят на пепельном лице, томные губы разошлись в неловкой улыбке, обнажив ряд жемчужных зубов. Даже уродливый фартук с темными пятнами не портил ослепительной красоты и грации обнаженной фигурки: крупная грудь натянула ткань, темные ореолы просвечивали, с вызовом целя в лицо. Сглотнул, с трудом перевел взгляд на лицо, в синих глазах горит мрачная удовлетворенность.

Она легонько подкинула шкворчащую сковородку. Слежу за полетом блина, бока просвечивают, видны кратеры на обратной стороне. Тонкая кисть выстрелила вверх, подхватив блин в высшей точке полета, короткий фартучек задрался, повис на тяжелых полушариях.

В смеющихся глазах отражается пунцовое лицо с вытаращенными глазами. Огромных усилий стоило удержать глаза на уровне ее лица, не думая… Даже не думая опустить ниже, ведь там… В глазах потемнело, – кровь резко отлила от головы «думающей» к голове «действующей. Пошатнулся, под ноги удачно ткнулась табуретка. Рухнув на жалобно скрипнувшее сиденье, подслеповато моргаю, разгоняя мечущиеся в глазах темные мухи. Теперь глаза оказались на «том самом» уровне. С трудом разлепив пересохшие губы, втягиваю со свистом воздух, – кажется, раньше у нее там был пушок.

Смех, серебряным колокольчиком заполнил повисшую паузу. Она откровенно хохотала, наблюдая, как мое лицо меняет все цвета и оттенки, пока нарочито медленно поправляла фартучек. Но стоило поймать дыхание и унять чресла, как Мизраэль повернулась спиной, наклонилась, зачерпывая тесто ложкой со дна кастрюли на столе. Сзади у фартучка, как и поло-

жено, две петельки, длинные волнистые волосы цвета заката укрыли спину, опускаясь почти до самой… Почти… От усилий отвести взгляд лицо налилось дурной кровью, глаза вылезали из орбит, но упорно косили заразы, косили… В черепе лопнуло с противным звоном, трясущаяся рука лапнула нос, удивленно рассматриваю кровь на кончиках пальцев. Тягучая капля упала на пол, вздрагиваю, сбрасывая оцепенение, пальцы больно сдавили переносицу, голова запрокинулась, шумно втягиваю носом воздух, чувствуя, как вязкая жидкость стекает в горло. Соленый ком ухнул в недра желудка, там возмущенно заверещало, заворочалось, протестуя и требуя пищи, на худой конец – палку колбасы.

– Проголодался, Сладенький? – Раздался веселый девичий голосок.

Встав в пол оборота, она подмигнула лукавым глазом. Вылила тесто, покачивая тяжелой сковородой, распределила по поверхности. Подцепила край блина коготком, перевернула.

Переступаю с ноги на ногу, снизу хрустит, только сейчас разглядел валяющуюся по кухне яичную скорлупу, грязный линолеум украсили снежные шапки рассыпанной муки. Кухня пребывала в стадии места пережившего торнадо: ящики вывернуты, дверцы шкафчиков нараспашку, одна висит на чудом уцелевшей петле.

На столешнице растет горка исходящих паром блинчиков. Опустевшая кастрюля отправилась в раковину. Следом канула сковорода, уступив плиту пузатому чайнику, бока блестят капельками воды, те стекают, кусая синее пламя, слышно недовольное шипение огненного зверя.

Тарелка с блинами перекочевала на обеденный стол, и, прежде чем успел опомниться, ко мне на колени плюхнулась Мизраэль. Тонкие руки обвили шею, сочные губы перехватили очередной вдох, борюсь за глоток воздуха в перерывах между страстными поцелуями. В голове шумит, неловко пытаюсь отстранить хрупкую фигурку. Руки как-то оказались под фартучком, пальцы нащупали два упругих мячика, Мизраэль напряглось, сильнее сжимая объятья.

– Постой… Я не… – Каждую искру сопротивления, она гасит волной поцелуев. – Не здесь же…

Вздрогнул, хватая широко открытым ртом воздух, как выброшенная на берег рыба, – тонкие ручки нырнули между нами, схватившись как раз ТАМ.

– Поймала. – Проворковала она, отстраняясь, чтобы заглянуть в глаза. – Сдаешься?

Нервно кусаю губы, будучи занят вопросом, как могу коленями чувствовать все изгибы ее тела. Через джинсы чувствуя, какая там нежная бархатистая кожа, идеальные округлые изгибы, настолько мягкие и упругие, что… Черт! Еще немного и… Я знал, что это неспортивно, но иного выхода нет.

– Прости!

Пытаюсь высвободить правую руку, мельком вижу свое дикое отражение в изумленных глазах, – с таким лицом отгрызают лапу, попавшую в капкан. Ладонь со скрипом движется по тугой груди, на пути, как горный хребет – твердый бугорок. Ее прерывистое дыхание опаляет щеки, с закушенных губ слетает хриплый стон, руку подбрасывает рвущееся навстречу сердечко. Пальцы с натугой преодолевают последний изгиб, ныряя ей за спину, пламя страсти в синих глазах сменяется огоньком обиды.

– За что, сладень… – Мизраэль выгнулась, извиваясь вдоль моего тела, томный ротик распахнут от боли.

Закрепил эффект, намотав на кулак еще оборот длинного тонкого хвоста, нежная кожа трещит, натягиваясь, кисточка на конце хлещет по стиснутым пальцам.

Ее глаза наполнились влагой, вздернутый носик жалобно шмыгает, пухлые губы кривятся, – вот-вот заплачет. Крохотная слезинка стекла по щеке, прорвав запруду, и вот уже целые потоки залили пепельные щечки, капали мне на грудь, обжигая кожу. Она стала похожа на обыкновенную обиженную девчонку. Даже несмотря на зажатый в кулаке хвост, на молотящие по рукам маленькие кожаные крылья. На то, что рискую второй раз за час помереть…

Она вскинула ручку, пытаясь достать за спину. Перед глазами проплыла бледная кисть, тонкие косточки просвечивают, алые пятна на серой коже, крупный волдырь наливается на большом пальце. Изумленно кошусь на стол, взгляд уперся в горку блинов, – «обожглась»?! Юркий хвост дернулся в ослабевшей руке.

– Вот… Блин! – Плечи поникли, кривая ухмылка заползла на лицо. Похоже, я проиграл.

Веселый смех колокольчиком зазвенел в маленькой кухне, ударил в задернутые шторы, многократным эхом накрыл меня, заставив расслабить хватку. В изнеможении откинулся спиной на стену, смотрю в напряженные синие глаза, чувствуя, как выскальзывает из ладони горячая змейка. Отпустив хвост, словно извиняясь, пожал плечами, руки бессильно опустились.

Она глубоко вздохнула, чуть склонила голову набок, следя, как нервно покусываю губы, теплая улыбка расцвела на пепельном лице, на щечках проступили крохотные ямочки. Мизраэль прячет руку за спину, смущенные глаза обежали кухню, вернулись ко мне.

– Ладно. Сойдемся на ничьей. Есть – то будешь? – И, прежде чем я успел открыть рот, елейным голоском добавила. – Если после моих мучений ты не съешь все до последнего блина…

Синие глаза зловеще сощурились, беря в прицел сконфуженное лицо. Чайник надрывается на плите, тарахтя крышкой. В голове суматошно носятся мысли, я боялся даже представить, – какое наказание может придумать столь опытная… Ее взгляд стал острее. «Леди», – ну, конечно же «леди», мысленно поправил я, заискивающе улыбаясь. Она перевела взгляд на разрывающийся чайник, снова на меня, плотоядно облизнулась.

– Согласен! – Поспешно кричу, подняв руки вверх. Она возмущенно раскрыла красивый ротик. – Точнее, почту за честь!

Надеюсь, покорно склоненная голова ей понравится больше. Взгляд долу, упирается в коленки…

– «Ой – йо». – С трудом сглотнул, пытаясь закрыть глаза, но в них будто спички вставили, – взгляд уперся ей прямо между… Нервный смешок, – а ведь и правда, раньше там были волосики… курчавые такие… Чувствую, как ее буквально подкидывает толчками снизу, молния в штанах на пределе, еще чуть и…

Расхохотавшись, она крутанулась на коленях так, что я закашлялся. Спорхнула на пол, довольно наблюдая, как по моему лицу бегут целые реки холодного пота. Ручкой указала на стол, провела по сиденью стула, приглашая сесть. Напевая мелодию, пружинящим шагом направилась к чайнику, с улыбкой взялась голыми руками за раскаленные бока и ловко переставила. Под моим очумелым взглядом поиграла пальчиками с огнем горелки. В притворном удивлении округлила глаза, повернула конфорку, синий цветок сожалеюще пыхнул, как преданный пес лизнул напоследок руку хозяйки. Абсолютно чистую руку. Без единого пятнышка!

– Я живу в огне, Сладенький. – Хихикнула она, наблюдая за переменами на моем лице. – И он может мне навредить, только если я захочу.

– Очень сильно захочу! – Громко шепнула она, прижав кончик указательного пальца к губам

– Вот блин…

– А вот – стол. – Кивнула Мизраэль, требовательно стуча пальчиком по краю тарелки. – Садись, а то остынут. Я тебе пока чаю сделаю… Сама. – И зарделась, непонятно от чего.

– Ладно, ладно. Только одна просьба. – Медленно встаю, смотрю под ноги.

– Для тебя, – что угодно, Сладенький. – Она радостно запрыгала, фартучек подскакивал до подмышек. – Чего ты хочешь, – массаж, ванну, чтобы я тебя кормила с ложечки. Или же, – меня в ванной, пока я буду массировать тебя с ложечки?

Невразумительно мычу, мотая головой на сыплющиеся, словно из рога изобилия, предложения, многие из которых понимал не сразу, а когда улавливал суть, – лучше бы и не улав-

ливал. Если бы погас свет, пылающие уши светили бы не хуже стоваттной лампочки. Правой рукой прикрыв глаза, левой нашарил стул, – рухнул, едва не развалив шаткое строение.

– Ну чего ты хочешь Сладеньки-иии-й! – Прозвенело прямо над ухом.

Чуть отвел в сторону ладонь, раздвинул пальцы. В поле зрения вплыл напряженный розовый кончик, тяжелая грудь едва не оттерла руку в сторону. С трудом вернул руку на место, костяшки уперлись в мягкое и горячее, сверху тяжко вздохнуло.

– Если хочешь… можешь хоть с ложечки кормить. – Неужели это мой голос, такой тихий и задушенный. – Только… умоляю…

– ДА! – Она юркнула за спину, обняла, упругая грудь трется о шею. – Что захочешь! Когда захочешь! И как захочешь! Ну же! Ну, скажи!! Ну скорее!!!

– О…

– Так ты меня прямо «О» хочешь, – защебетало возбужденно над ухом. – Я готова.

– Од…

– Не сдерживай себя! – Закричала она, стиснув в объятьях так, что пришлось бороться за дыхание. – Один, два, три… Да сколько хочешь, я выполню любое твое…

– ДА ОДЕНЬСЯ УЖЕ, НАКОНЕЦ!!!!!

Повисла звенящая тишина, прерываемая моим надсадным дыханием. Тяжесть с шеи исчезла, сзади раздались шаркающие шаги. Обернулся, увидел поникшие крылья, сгорбленная фигурка канула в темном коридоре, хлопнула дверь. Несколько минут оттуда доносилась тихая возня, невразумительное бурчание.

Наконец, с тихим скрипом приоткрылась дверь, в полосу света, шлепая босыми ногами, неловко ввалилась Мизраэль. Мои спортивные штаны, болтались на ней вроде шаровар, норовя сползти по узкой талии, грудь крест – накрест пересекает полосатое нечто. Присмотревшись, узнал свой осенний шарф.

– Рубашка мешала крыльям. – Глядя в сторону буркнула она, направляясь к плите. Долго шарила по шкафчикам, отыскала начатую пачку чая.

Взяв кружку, долго примерялась, сколько же сыпать, наконец, махнула рукой и насыпала половину. Я нервно сглотнул, когда струя кипятка взметнула вверх чайные листья, через пару минут там будет чифирь, но заранее расстраивать не стал. А вот когда она решительно протянула кружку мне, а сама, молча, села напротив, – не стал заранее расстраиваться. Под требовательным взглядом синих глаз, я деликатно опустил ложку в стакан, вернее, – пропихнул. Теперь ложка гордо высилась посередине, опутанная черным нечто, словно водорослями. Синий взгляд торопил. На всякий случай, мысленно перекрестился, подношу чашку к губам.

Превратить гримасу в улыбку, – дело сложное. Но у меня почти получилось. По крайней мере, она радостно улыбнулась, на бледных щечках заиграл смущенный румянец. Все – таки мне их никогда не понять. Что простая девчонка. Что бессмертная демонесса, а женщина – остается женщиной. И, как аксиома – загадкой.

Во рту, как наждаком прошлись, язык свернулся в трубочку, вкусовые рецепторы откинули копыта. Желудок пытался отскочить в сторону, не успел, – со словами «вы как хотите, а я пошел», – покарабкался вверх по пищеводу.

– «Угу, счас!»

Стискиваю челюсти, зубы скрипят, заключая беглеца в костяную тюрьму, – вместе будем отдуваться. Кадык заходил по шее, загоняя желудок обратно. Неверно истолковав мои потуги, Мизраэль с улыбкой протянула блинчик.

– «А, была, не была…»

Поспешно запихнул блин, долго жевал, пытаясь различить вкус, но язык, похоже, оформил больничный. «А может оно и к лучшему», – невольно пронеслось в голове, кто знает, из чего она их готовила, судя по чайной церемонии. Желудок принял комок горячего теста

значительно благосклоннее, побурчал, умащиваясь, новых попыток к бегству не предпринимал, – может, они еще и ничего.

Синие глаза требовательно прищурились, я поспешно проглотил последний кусочек, хотел запить, но вовремя одумался и поискал в пересохшем рту слюну.

– Ты чай впервые делала? – Просипел я. И завис, с глупо открытым ртом, – собирался сказать другое. Поблагодарить и незаметно увести тему подальше от еды. А в идеале, – ее от себя, а себя от кухни. Желудок мстительно захихикал, поперхнулся, и громко рыгнул.

Результат превзошел ожидания. Мизраэль стала пунцовой, отведя взгляд в сторону, нервно мяла в тонких пальчиках кухонное полотенце.

– Так заметно? – Тихо промолвила она, красивый ротик сконфуженно кривится.

– Нет, что ты. – Настала моя очередь неловко улыбаться, теребя макушку, – так бы и настучал по ней. – Просто слегка непривычно, – обычно кладут чуть меньше заварки. А так, в целом, – ничего.

– А насколько меньше… кладут.

– Ну… не намного. Раз в двадцать примерно. – Увидев, как болезненно расширились ее глаза, поспешно добавил. – Но зато он получился насыщенным, крепким. В него можно просто добавлять кипятка и пить дальше. Уникальный рецепт!

Почесав кончик носа, она внимательно посмотрела на мою застывшую улыбку, перевела взгляд на кружку. Нащупала чайник, доливая воды в кружку, внимательно следила за выражением моего лица. Наполнив до краев, милостиво кивнула. Пришлось сделать глоток. На вопящий желудок удалось прикрикнуть, но сердце стало отплясывать нижний брейк-данс. В довольных синих глазах отражалось смутно знакомое лицо: фиолетовое… в крапинку.

– Рада, что тебе понравилось. – Улыбнулась она. – Мне пища не нужна, вот и давно не пробовала…

И отвернувшись, тихо добавила:

– Да и не для кого…

На радостное личико набежала туча, в глазах всплыла потаенная грусть. Но уже через мгновение она расцвела лучезарной улыбкой, холодная кисть мимолетно коснулась моего лица, потрепав за щеку.

– Раньше за меня все делали жрецы, затем последователи, теперь приспешники. Может, хоть на тебе потренируюсь?

Я изумленно вглядывался в смущенную улыбку, сверкнул ряд ровных белоснежных зубов и, словно вспышка озарила серые стены, сердце забилось с такой силой, – куда там хилому чифирю.

– А чем другие хуже?

Свет померк, синие глаза потускнели, скрылись в черных зарослях поникших ресниц. Она тяжко вздохнула, тонкие пальчики бесцельно водят по столу, оставляя бороздки острыми коготками. Подняла печальные глаза, медленно придвинулась, мир дрогнул, сбежал, уступив серому небу с двумя пылающими синими звездами, призрачный свет проникал в душу и еще глубже. Гораздо глубже. Серая гладь дрогнула, расцвела алым цветком. Бледный бутон раскрылся навстречу, блеснул ряд ровных зубов, ослепляя безупречной белизной. Напрягся, задерживая дыхание, в позвоночник, словно стальной штырь, вогнали, пытаюсь сглотнуть пересохшим горлом. Ее поцелуй… он был…

Мизраэль отстранилась, а я все пытался отыскать сбежавший голос. В голове метались мысли, одна другой дурнее, жаль не видно ее глаз. В них бы отражалось глупое лицо с выпученными глазами и отвисшей челюстью. Ее поцелуй был… Просто поцелуем, – усталым, мимолетным, непривычно соленым, как после долгого плача. Да что я такого сказал-то!

Щека горела, храня тепло хрупких пальчиков, когда провела ладонью по жесткой щетине. Я чувствовал, как грубые щетинки впиваются в тончайший шелк серой кожи, причиняя боль.

Сгорая от стыда, желал провалиться сквозь землю, но вместо этого, снова и снова тянулся за ладонью, словно цветочек к солнцу, пытаясь продлить миг блаженства. Синие глаза все понимали.

На короткий миг возник хрупкий мостик, один край которого опирался на мою отвисшую челюсть, а другой… Другой терялся во тьме тысячелетий одиночества и безграничной силы, что не с кем разделить. Океана нежности, что не на кого излить, не утопив. Вулкана страсти, коим некого согреть, не обратив в угли.

Порывался сказать, но Мизраэль прижала тонкий пальчик к моим губам, заставив присесть. Даже сам не заметил, как вскочил, взбудораженный внезапным осознанием чего-то важного. Чего-то… Хрупкий мостик рухнул, тщетно ищу в осиротевшей голове ответ, который казался таким ясным и очевидным пару секунд назад.

– Знаешь. – Тихо вздохнула она, избегая смотреть в глаза. – Есть подходящая пословица… «Женщина хочет сходить с мужчиной в ресторан, чтобы решить, стоит ли с ним лечь в постель. А мужчина хочет лечь с женщиной в постель, чтобы решить, стоит ли ее вести в ресторан».

Тряхнула головой, сгоняя несвойственную грусть, на бледных щечках расцвел румянец, крохотные ямочки проступили на миг и исчезли. Ковыряя столик указательным пальцем, она старательно избегала моего взгляда.

– Только не хватает второй части. Где мужчина на утро решает, стоит ли с ней пить кофе. А женщина, – стоит ли он того, чтобы этот кофе готовить.

Капля из плохо закрытого крана упала в раковину, в наступившей тишине удар о металл прозвучал словно колокол. Мизраэль передернула хрупкими плечиками, невольно захотелось обнять, но обнаружил вставший между нами исцарапанный стол со стопкой остывших блинов. Под печальным взглядом синих глаз, рухнул обратно на стул, иссохшееся дерево протяжно скрипнуло, ножки просели, словно на плечи давила невидимая тяжесть.

– В моем случае вторая часть слегка затруднительна: наутро, все кавалеры, какими бы не были при жизни, – выглядят одинаково. Бледная кожа, сведенные судорогой лица, остекленевшие глаза. – Хохотнула Мизраэль, откидываясь на спинку стула и весело болтая в воздухе босыми ногами. – Прямо как в анекдоте, про патологоанатома, который все знает, все умеет, но уже поздно.

Молчу. В сияющих синих глазах. В движении стройных ножек. В лучезарной улыбке, что освещала еще более прекрасное лицо, было все присущее веселью. Все. Кроме одного, – веселья. Под моим пристальным взглядом она нервно дернула ножкой, смех оборвался, синие глаза беспокойно бегают, избегая прямого взгляда, словно могу разглядеть нечто сокрытое на их холодной глубине.

«Разглядеть…» – Слово возникло на задворках сознания, требовательно скреблось. Меня выдало выражение лица, Мизраэль вздрогнула, синие глаза стала холодными словно льдинки, тонкие пальчики стиснулись, как лапки паука на добыче, оставляя глубокие царапины на выцветшем лаке стола. «Неужели?»

«Пустота» в синих глазах. Словно черная дыра, поглощающая каждый лучик солнца, она манила неизведанной глубиной, но была способна лишь отнимать, не в силах дать и каплю тепла. Лишь одна Пустота способна понять другую. Ответ всегда был рядом. И только такой дурак, как я, мог его не заметить, в очередной раз «закрыв» глаза! Да уж, наставник бы мной «гордился»…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.